

Пряшівська універзіта в Пряшові
Центер языків і култур народностных меншын
Інштітут русиньского языка і културы

Studium Carpatho-Ruthenorum 2021

Штудії з карпаторусиністікы 13.

Пряшів 2021

© Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншын, Інштїтут русиньского языка і культуры

Studium Carpatho-Ruthenorum 2021

Штудії з карпаторусиністікы 13.

Зоставителька і відповідна редакторка: ПгДр. Кветослава Копорова, ПгД.

Редакчна рада: доц. ПгДр. Анна Плішкова ПгД. (председкыня)

проф. Др. Павел Роберт Магочій

проф. Др. Елейн Русинко

проф. Др. Кірілл Шевченко, др. н.

Рецензенты: доц. ПгДр. Василь Ябур, к. н.

проф. Др. Михаил Капраль, к. н.

Научна редакторка: проф. ПгДр. Юлія Дудашова-Крішшакова, др. н.

Технічний редактор: Інж. Ярослав Гавріла

Видаватель: Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншын, Інштїтут русиньского языка і культуры

Перше видання, 2021

Друкарня: EQUILIBRIA, s. r. o., Krásnohorská 82, 040 11 Košice

Тоту публікацію ани єї части не мож репродуковати без повоління властника авторських прав.

© Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Studium Carpatho-Ruthenorum 2021

Štúdie z karpatorusinistiky 13.

Zostavovateľka a zodpovedná redaktorka: PhDr. Kvetoslava Koporová, PhD.

Redakčná rada: doc. PhDr. Anna Plišková, PhD. (predsedníčka)

prof. Dr. Paul Robert Magocsi

prof. Dr. Elaine Rusinko

prof. Dr. Kirill Ševčenko, DrSc.

Recenzenti: doc. PhDr. Vasil' Jabur, CSc.

prof. Dr. Mihály Káprály, CSc.

Vedecká redaktorka: prof. PhDr. Júlia Dudášová-Kriššáková, DrSc.

Technický redaktor: Ing. Jaroslav Havrila

Vydavateľ: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Prvé vydanie, 2021

Tlač: EQUILIBRIA, s. r. o., Krásnohorská 82, 040 11 Košice

Túto publikáciu ani jej časti nie je možné reprodukovat' bez súhlasu vlastníka autorských práv. Za jazykovú stránku príspevkov sú zodpovední autori.

ISBN 978-80-555-2863-2

OBSAH

Вступне слово едіторкы	5
Їуба KRÁĽOVÁ: RUSÍNI NA SLOVENSKU V TRANSFORMAČNÝCH PROCESOCH PO ROKU 1989 (Špecifické problémy jazykovej a národnej sebareflexie.).....	7
Ivana SLIVKOVÁ: K DVOM BÁSNICKÝM ZBIERKAM ELENY CHOMOVEJ-HRIŇOVEJ	21
Кветослава КОПОРОВА: К ВОПРОСУ ВСТАНОВЛІНЯ РОДУ НАЗЫВНИКІВ ПЛУРАЛІЯ ТАНТУМ В РУСИНЬСКИМ ЯЗЫКУ.....	30
Дарья ВАШИЧКОВА: МНОГОЗНАЧНЫЕ НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ПТИЦ В КАРПАТОРУСИНСКИХ ГОВОРАХ	40
Radka ONDERKOVÁ: VYSTAHOVALECTVO RUSÍNŮV NA PRELOME 19. A 20. STOROČIA.....	53
Михал ПАВЛІЧ: ДУХОВНА ПОЕЗІЯ ЛЮДМІЛЫ ШАНДАЛОВОЙ (Дакілько позначок ку зборнику Наплю ся водічки.)	61

Вступне слово едіторкы

Выходить уже тринадцатый научный сборник *Studium Carpatho-Ruthenorum 2021 /Штудії з карпаторусиністики 13*. З оглядом на пестрость тогорочных штудій, котры приносить зборник не мож повісти, же тринадцатка є нещастным чіслом. Тематічно ся штудії венують языку, літературі, історії Русинів і соціології. Приносиме ай дві новы мена – авторів (респ. авторок), котры в зборнику публікують першый раз.

Перша штудія *Русины на Словакії в трансформачных процессах по році 1989 (Шпеціфічны проблемы языковой і народноі себерефлексії)* є венована соціології і ей авторка **ПгДр. Люба Кралёва, ПгД.** директорка Музея русиньской културы у Пряшові ся дакілько років венує асімілачным процесам русиньского жытельства на Словакії і глядять можны одповіді на вопрос, чом Русины поступно страчають свою ідентіту і сплывають з маєрітным народом – Словаками. Друга штудія має про Русинів оптімістичніший характер, бо русиньска література є тов сферов, котра ся розвивать і надале інтензівным темпом. Конштатує то літератка **Мгр. Івана Сливкова, ПгД.** з Інштітуту середнёевропских штудій Філозофічної факулты Пряшівской універзіты у своїй штудії *К двум поэтичным сборникам Елены Хомовой-Гринёвой*. Далшы дві штудії суть з области лінгвістікы. Перша з них *К вопросу встановлїня роду назывників плуралія тантум в русиньскім языку* є методічного характеру. Авторка **ПгДр. Кветослава Копорова, ПгД.** з Інштітуту русиньского языка і културы Пряшівской універзіты в ній дає одповідь, як мож встановити род назывників плуралія тантум в русиньскім языку і наслідно творити флексії в парадігмі єднотливых назывників, котры ся вжывають лем в множнім чіслі, што може помочі, як конштатує авторка, учітелім русиньского языка при выучованю даного предмету в школах. Четверта штудія приносить тему з области русиньской діалектології. Приправила ей нова авторка, котра в зборнику публікує першый раз. Є нёв **Мгр. Дарья Вашічкова**, докторандка з Катедры выходоевропских бадань Філозофічної факулты Карловой універзіты в Празі і на основі теренного баданя публікує тему *Многозначность у назвах*

потят в русиньских діалектах. Предметом аналізу авторкы є домашня пташына – гускы (гусарь і гуска), куркы (курка, когут, квочка) і качкы (качка, качур). Замірює ся нелем на теріторію Словакії, де компактно жыють Русины, але ей баданя має пересяг до цілой автохтонной теріторії Русинів (главні на Закарпатю).

Пята штудія **Выселенецтво Русинів на переломі 19. і 20. стороча** приносить нелем інтересну тему з области історії Русинів, але ай другу нову авторку. Є нїв молода екстерна докторандка з Катедры історії Філозофічної факулты Пряшівской універзіты – **Мгр. Радка Ондеркова**, котра в своїй штудії приносить інтересны факты з історії еміграції Русинів до Войводиной, США і Канады, наприклад ай такы, же з цілковой кількості – 140 775 Русинів, емігруючих на америцькый контінент, были векшынов хлопи (жен не была ани єдна третина), а веце як половина з них было неграмотных. То свідчить, окрем іншого ай о факті, же Русины приходили з найбіднішых областей, зато на новім контіненті діставали тоты найтяжшы роботы.

Зборник научных штудій завершує **Мгр. Михал Павліч, ПгД.** з Інштитуту русиньского языка і културы Пряшівской універзіты. Тема, котру спрацовав – **Духовна поезія Людмілы Шандаловой. (Дакілько позначок ку зборнику Напю ся водічки.)** представляює новодобу русиньску писательку Людмілу Шандалову із Свідника як авторку стишків про діти з духовнов тематіков.

Надієме ся, же в представлених штудіях тогорочного зборника **Studium Carpatho-Ruthenorum 2021/Штудії з карпаторусиністікы 13** сі нашы вірны читателі, але ай новы сімпатізанти найдуть темы, котры їх заінтересують і принесуть їм новы знаня з жывота карпатських Русинів по році 1989, як і з области карпаторусиністікы як научной дісціпліны.

ПгДр. Кветослава Копорова, ПгД.,
едіторка

RUSÍNI NA SLOVENSKU V TRANSFORMAČNÝCH PROCESCH PO ROKU 1989

(Špecifické problémy jazykovej a národnej sebareflexie.)

Ľuba KRÁĽOVÁ

Abstract

We analyze in the article data from a field study conducted largely in northwest Slovakia in 2015. The study was conducted on the sample of 384 respondents. The goal of the study was to confirm the hypothesis that Ruthenians are strongly assimilated within the Slovak majority, and have lost their own national self-reflection. The premise is that this is the result of recent decades of Ruthenians migrating from authentic village environments to cities. The study yielded an analysis of assimilation of the Ruthenian minority within the majority population on three levels: primary, secondary and tertiary. The study makes stirring conclusions about the rate of use of maternal Ruthenian language in communication between parents and their children.

Key words: Ruthenians in Slovakia. Transformational processes after 1989. Language and national self-reflection of Ruthenians in the three studied generations of Ruthenians. Assimilation of Ruthenians within the Slovak majority population. National identity.

1. Terénny sociologický výskum jazykovej a národnej sebareflexie Rusínov na Slovensku

V štúdiu analyzujeme údaje získané od respondentov terénneho sociologického skúmania – príslušníkov rusínskej národnostnej menšiny zrealizovaného pre *Združenie inteligencie Rusínov Slovenska* v roku 2015 prevažne na severovýchodnom Slovensku. Prostredníctvom 21 anketárov sme oslovili viac ako 500 respondentov. Naspäť sa nám vrátilo vyplnených 384 dotazníkov od toľkých respondentov, ktorí vytvorili výberovú vzorku či výberový súbor výskumu, s ktorým sme mohli ďalej pracovať.

Vo výskume sme sa zamerali na zisťovanie postojov Rusínov na Slovensku k strate svojej národnej identity ako starobylého európskeho národa a k svojej vlastnej asimilácii s väčšinovým národom.

Hlavnou hypotézou v sociologickom výskume národnej a jazykovej sebareflexie Rusínov na Slovensku bol predpoklad, že silná asimilácia medzi Rusínmi na Slovensku v ostatných desaťročiach je spôsobená migráciou rusínskeho obyvateľstva z dedín do miest počas posledných dvoch generácií a zároveň sme predpokladali silnejúcu asimiláciu Rusínov s majoritou smerom k aktuálnym generáciám Rusínov.

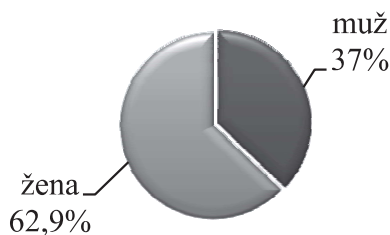
V mestách, v slovenskom prostredí, Rusíni postupne strácajú základné charakteristiky svojej národnej identity. V snahe prispôbiť sa väčšinovému obyvateľstvu v meste – na ulici, v školách, v práci, v manželstvách Rusíni postupne vylučujú zo svojho každodenného života základný znak svojej národnej podstaty, a to materinský jazyk. So svojimi deťmi v meste žijúci rusínski rodičia začínajú rozprávať po slovensky a pri návštevách svojich starých rodičov na vidieku tento zvyk nemenia. Lenže i Rusíni žijúci vo svojich stáročných vidieckych sídlach pracujú v mestách a mnohí z nich so svojimi deťmi rozprávajú takisto po slovensky, rovnako i ich rodičia, teda starí rodičia svojich vnukov. Z troch sčítaní obyvateľstva po roku 1990 je zrejmé, že tak činia preto, lebo sa cítia viac Slováckmi ako Rusínmi. Národnosť si oproti situácii spred II. svetovej vojny už píše v sčítacích hárkoch zväčša slovenskú už i najstaršie dve generácie Rusínov. V mestách navyše dochádza k uzatváraniu zmiešaných manželstiev, z ktorých obvykle vstúpi už len Slováci. Je jedno, či je v zmiešanom manželstve Rusínom manžel alebo je Rusínkou manželka, obaja rodičia svoje deti vychovávajú ako Slovákov, keďže jeden z manželov je Slovák. V aktuálnom výskume sme sledovali tento trend slovakizácie rusínskeho obyvateľstva na severovýchode Slovenska a jeho asimilácie s majoritou – prostredníctvom skúmania troch generácií respondentov.

1.1 Základné identifikačné znaky respondentov z hľadiska pohlavia, bydliska a národnosti

Medzi základné identifikačné znaky respondentov popisovaného výberového súboru patrí pohlavie, miesto bydliska, vek, výška vzdelania a vierovyznanie. Výberový súbor pozostával z **384 respondentiek a respondentov (37,1 % mužov a 62,9 % žien).**

Graf 1: Rozloženie respondentov podľa pohlavia

Pohlavie respondentov

Trvalé bydlisko respondentov

Z hľadiska migrácie Rusínov z vidieka do miest počas ich posledných troch generácií na Slovensku sa potvrdila naša hypotéza o presídľovaní rusínskeho obyvateľstva do miest z ich tradičných vidieckych sídel. Generácia najväčšej časti respondentov výskumu žije viac v mestách ako na dedinách, generácie ich rodičov či starých rodičov žili hlavne na vidieku. Trvalo bývajú respondenti nášho výskumu v roku 2015 viac v mestách ako na dedinách (58,9% oproti 40,6%).

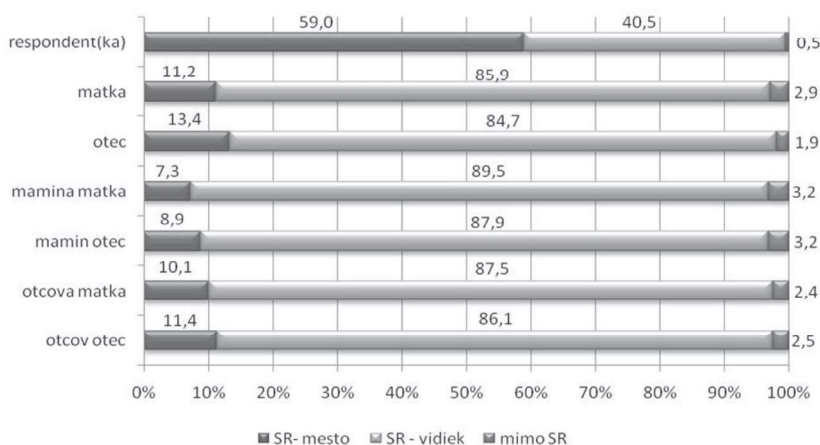
Rodičia respondentov pochádzajú alebo pochádzali zväčša z vidieka, čím sa potvrdil predpoklad z našej hlavnej hypotézy, že súčasné generácie Rusínov odišli od svojich rodičov z vidieka do miest kvôli škole, potom práci a nakoniec sa v mestách usadili. Výrazná migrácia najmladších a stredných generácií Rusínov do miest spôsobuje ich postupnú **prvotnú asimiláciu s majoritou**. Prvotná asimilácia je vyvolaná stratou vlastného autochtónneho vidieckeho prostredia, v ktorom žili v jednej dedine vo väčšine prípadov len Rusíni, zväčša zo svojej vlastnej dediny.

Na základe prvotnej asimilácie vyvolanej migráciou rusínskeho obyvateľstva do miest, vzniká, podľa nášho názoru, **druhotná asimilácia** spôsobená snahou o prispôbenie sa majorite z rôznych dôvodov. Absolvovanie vzdelania rôzneho stupňa (už starí rodičia dnešných respondentov pochopili, že len získaním vzdelania sa môžu ich deti vymaniť z chudoby marginálnych rusínskych regiónov predvojnového i povojnového Československa) a potom obsadenie rôznych pracovných pozícií si vyžadovalo dobré ovládanie štátneho jazyka v hovorenej i písomnej podobe, no súčasné nepoznanie vlastného jazyka v týchto dvoch podobách kvôli neexistencii rusínskeho školstva spôsobovalo nebadanú, po-

stupnú, no hlbokú dobrovoľnú druhotnú asimiláciu Rusínov v mestách. Ak k tomu prirátame i uzatváranie zmiešaných manželstiev v mestách – bližších i vzdialenejších od svojho rodiska, potom pochopíme, že asimilácia rusínskeho obyvateľstva začína v druhej polovici 20. storočia na území Slovenska nadobúdať neblahé rozmery.

Jedným z najvypuklejších prejavov **asimilácie, podľa nášho názoru terciálnej**, je komunikácia so svojimi deťmi v jazyku väčšinového národa, a nie vo svojom materinskom jazyku. Ak rodičia doma rozprávajú so svojimi deťmi po slovensky, pričom sú obidvaja Rusíni, čo znamená, že i všetci štyria starí rodičia sú Rusíni, a aj tí so svojimi vnukmi rozprávajú po slovensky, nie po rusínsky, potom deti a vnuci/vnučky nemajú od koho získať pocit národnej hrdosti a spriaznenosti so svojimi predkami a národnými koreňmi. Takýmto spôsobom sami rodičia-Rusíni spôsobujú stratu identity a vyvolávajú pocit vykorenenosti u svojich vlastných detí, pretože ich vychovávajú ako Slovákov, a nie ako Rusínov. Nemožno obísť tieto subjektívne faktory asimilácie Rusínov na Slovensku, ktoré sú spôsobené neochotou mnohých Rusínov poznať svoju vlastnú históriu či naučiť sa jazyk svojich rusínskych predkov a používať ho v každodennom styku s inými Rusínmi. Tieto subjektívne faktory vyvolané výchovou v rodinách, kedy rodičia, ktorí komunikujú so svojimi rusínskymi deťmi od mala len po slovensky a sami vychovávajú zo svojich detí Slovákov, ktoré sa následne hanbia za to, že ich rodičia či starí rodičia nimi nie sú.

Graf 2: Trojgeneračná migrácia Rusínov z vidieka do miest

2. Národnostná príslušnosť respondentov

V danom paragrafe analyzujeme vzťah medzi prihlásením sa k svojej národnosti (jeho všeobecným ponímaním) a používaním materinského jazyka vo svojich domácnostiach, ale hlavne postupujúcu asimiláciu Rusínov s majoritným národom na Slovensku naprieč tromi generáciami. V analyzovanom výskume sme vykonali zámerný alebo kvótny výber respondentov v prvom rade podľa národnosti, čo znamenalo, že naši anketári vyberali respondentov iba z autochtónnych rusínskych regiónov a iba tých respondentov, ktorí deklarovali svoje rusínske korene prináležiace k rusínskym rodinám.

2.1 Národnosť a materinský jazyk

Pri sčítaní obyvateľov, domov a bytov sa **v roku 2001 k rusínskej národnosti** prihlásilo podľa našich výpočtov 24 102 (podľa iných autorov 24 201) občanov SR a 10 987 k ukrajinskej národnosti. **V roku 2011** sa k rusínskej národnosti prihlásilo 33 482 obyvateľov Slovenska a k ukrajinskej 7 430 obyvateľov.

V roku 2001 sa z tých občanov, ktorí sa prihlásili k materinskému jazyku rusínskemu (takmer 55 000 obyvateľov SR), 41,4% obyvateľov prihlásilo i k rusínskej národnosti, 5,5% k ukrajinskej národnosti. No z tých obyvateľov, ktorí považujú za svoj materinský jazyk rusínsky, sa však viac ako polovica z nich, teda 52,6% prihlásilo k slovenskej národnosti. Zdalo by sa, že asimilácia so slovenským majoritným národom medzi Rusínmi na Slovensku je nezvratná.¹

Oveľa vyšší počet obyvateľov, ktorí považujú za svoj materinský jazyk ukrajinský, sa nakoniec i prihlásil k ukrajinskej národnosti, a to 80,5%.

1 Tabuľka 1: Obyvateľstvo SR podľa materinského jazyka a národnosti - sčítanie obyvateľov, bytov a domov – 2001

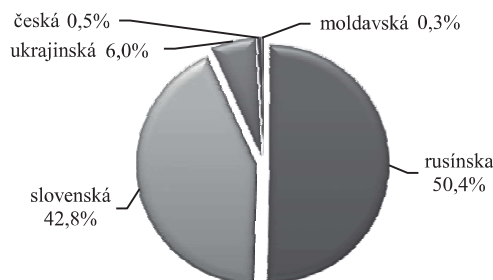
Sčítanie obyvateľov, domov a bytov, máj 2001	národnosť				
	rusínska	ukrajinská	slovenská	iný	spolu
materinský jazyk					
rusínsky	22 751	2 996	28 885	275	54 907
	41,4%	5,5%	52,6%	0,5%	100,0%
ukrajinský	83	6 340	1 342	114	7 879
	1,0%	80,5%	17,0%	1,5%	100,0%

Zdroj: http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z119_100000.pdf

Situácia sa však zvrátila po desiatich rokoch, keď sa pomer medzi prihlásením sa k rusínskej alebo slovenskej národnosti medzi tými Rusínmi, ktorí považujú za svoj materinský jazyk rusínsky, zmenil. 54,3% z nich si zapísalo do sčítacích hárkov **v roku 2011** rusínsku národnosť a 41,2% slovenskú². Oproti roku 2001 klesol v roku 2011 počet tých Rusínov s deklarovaným materinským jazykom rusínskym, ktorí si zapísali ukrajinskú národnosť, z **5,5%** na **2,8%**. V absolútnom vyjadrení klesol počet tých Rusínov, ktorí za svoj materinský jazyk považujú ukrajinský, o 2190 obyvateľov od roku 2001 do roku 2011.

Keďže sme vykonali zámerný kvótny výber respondentov v prvom rade podľa národnosti (všetci respondenti boli objektívne Rusíni, pretože hovorili po rusínsky alebo ich obaja rodičia boli Rusíni), nemôžeme porovnávať zastúpenie rusínskej národnostnej menšiny v populácii na Slovensku, no napriek tomu sa respondenti rozdelili do troch hlavných skupín, najväčšiu časť súboru tvorili príslušníci rusínskej národnosti (50,4%), o čosi menšiu časť vzorky tvorili respondenti so slovenskou národnosťou (42,8%) a k ukrajinskej národnosti sa prihlásilo 6% respondentov výberového súboru.

Graf 3: Rozloženie respondentov podľa ich národnosti

2 Tabuľka 2: Obyvateľstvo SR podľa materinského jazyka a národnosti - sčítanie obyvateľov, bytov a domov - 2011

Sčítanie obyvateľov, domov a bytov, máj 2011	Národnosť				
	rusínska	ukrajinská	slovenská	iná	spolu
materinský jazyk					
rusínsky	30 137	1 541	22 857	934	55 469
	54,3%	2,8%	41,2%	1,7%	100,0%
ukrajinský	128	4 549	880	112	5 669
	2,3%	80,1%	15,6%	2,0%	100,0%

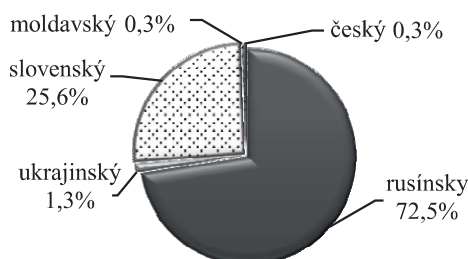
Zdroj: http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z119_100000.pdf

2.2 Asimilácia Rusínov podľa deklarovaného materinského jazyka naprieč generáciami

Ešte viac o asimilácii následných generácií Rusínov na Slovensku svedčí **deklarovaný materinský jazyk** – u respondentov, ich rodičov a starých rodičov, ale aj v tom, akým jazykom rozprávajú doma so svojimi rodičmi a so svojimi deťmi. Slovakizácia Rusínov je podľa týchto ukazovateľov očividná.

Významným sa ukazuje posun v chápaní svojho materinského jazyka respondentmi vo vzťahu k svojim rodičom, ale najmä vo vzťahu k svojim deťom. Významným potvrdením nášho predpokladu je nezvratný fakt vyplývajúci z odpovedí najmä mladých respondentov. Akým jazykom rozprávajú rodičia doma so svojimi deťmi, taký jazyk potom deti považujú za svoj materinský. Ak teda rusínski rodičia alebo aj starí rodičia rozprávajú so svojimi deťmi a vnukmi po slovensky, ich deti a vnuci považujú za svoj materinský jazyk práve slovenský, hoc obaja rodičia i všetci štyria starí rodičia sú Rusíni.

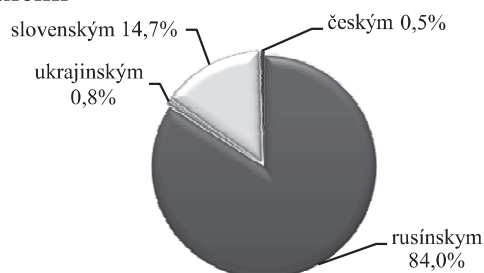
Graf 4: Rozloženie respondentov vo výberovom súbore podľa ich materinského jazyka

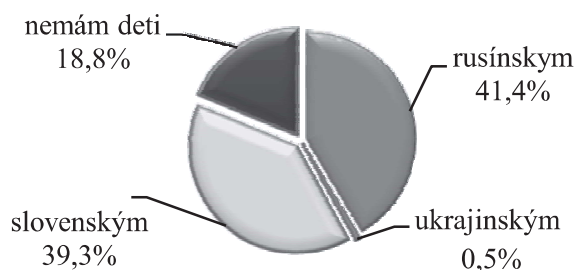
Priepastný rozdiel v používaní materinského rusínskeho jazyka doma, a to so svojimi rodičmi a so svojimi deťmi, ako sme uviedli vyššie, je významným potvrdením nášho predpokladu o asimilácii najmladších generácií Rusínov s majoritou, a to z vôle ich rusínskych rodičov.

Používanie rusínskeho materinského jazyka medzi rodičmi a deťmi sa postupne vytratilo počas troch generácií z viac ako polovice domácností Rusínov, čo považujeme za alarmujúce zistenie.

Graf 5: Rozloženie respondentov podľa jazyka, ktorým rozprávajú doma s rodičmi

Graf 6: Rozloženie respondentov podľa jazyka, ktorým rozprávajú doma s deťmi

3 Všeobecné postoje k národnej identite Rusínov na Slovensku

O funkčných sférach používania rusínskeho jazyka píše vo svojich prácach Anna Plišková, my sa opierame o jej knižnú publikáciu z roku 2008³, v ktorej analyzuje rodinnú sféru ako oblasť každodenného používania rusínskych nárečí na Slovensku oproti sfére úradného kontaktu a scénicko-divadelnej, mediálnej, literárnej, konfesionalnej a školskej sfére ako oblastí používania spisovného rusínskeho jazyka. V našom výskume sa potvrdilo, že väčšina respondentov vo svojich domácnostiach komunikuje nárečiami rusínskeho jazyka, na verejnosti sa ho skôr hanbí používať, pričom menšia časť výberového súboru pozná kodifikovanú formu rusínskeho jazyka alebo má informácie o tom, že rusínsky jazyk bol kodifikovaný a je uznaný Slovenskou republikou ako spisovný

³ ПЛІШКОВА, А. 2008. *Русинський язык на Словенську*, s. 74-109.

jazyk jednej z oficiálne uznaných národnostných menšín na Slovensku⁴.

Zaujímalo nás aj to, či by respondenti (ľudia v rozptyle od 18 do 88 rokov) uvažovali o tom, aby ich deti sa učili spisovnú podobu ich materinského jazyka v školách s vyučovacím jazykom rusínskym. Potešiteľným zistením bola väčšina kladných odpovedí, čo je veľkou výzvou pre zriaďovateľov škôl v regiónoch obývaných Rusínmi na Slovensku, ktorí od čias uznania Rusínov ako samostatnej národnostnej menšiny, teda od roku 1989, doteraz nezriaďujú rusínske školy vraj z dôvodu nezájmu rodičov.

3.1 Vzťah Rusínov k svojmu spisovnému jazyku⁵

Pýtali sme sa tých respondentov, ktorí si uviedli rusínsku národnosť, či by chceli aby ich deti ovládali spisovný rusínsky jazyk. 44,9% z nich odpovedalo, že by si to želalo a 13% z nich si to neželalo, pretože ich deti, podľa nich, vo svojom živote nebudú potrebovať ovládať spisovný rusínsky jazyk. 11,8% respondentov sa k danej otázke nevedelo vyjadriť a 30,1% z nich si neuvádza rusínsku národnosť, preto ani nepovažujú za potrebné, aby ich deti ovládali spisovný rusínsky jazyk, z čoho je zrejmé, že aj ich deti majú zapísanú národnosť slovenskú.

Čo je potešiteľné, **respondenti by zapísali svoje deti na vyučovanie rusínskeho jazyka, ak by sa v škole v ich meste či dedine vyučoval rusínsky jazyk**. Len je otázne, do akej miery to mysleli vážne a neštylizovali sa pri tejto odpovedi. Ak to mysleli vážne, potom je namieste, aby kompetentní predstavitelia zodpovední za stav rusínskeho školstva na Slovensku (starostovia, starostky, riaditelia / riaditeľky základných škôl, ale i vláda SR, ktorá nepresadzuje zníženie počtu detí v národnost-

4 Slávnostný akt kodifikácie rusínskeho jazyka na Slovensku sa uskutočnil 27. 1. 1995 v Bratislave a k tomuto aktu bolo za dva roky intenzívnej práce vyhotovených viacero publikácií: Ябур, В., Панько, Ю.: *Правила русиньского правопису*; Панько, Ю. і кол.: *Орфографічний словник русиньского языка*; Гриб, Я.: *Букварь про русиньскы діти*; Гриб, Я.: *Чітанка про русиньскы діти*; Крайняк, Ф.: *Малый грекокатолицький катехізм про русиньскы діти*; Марочій, П. Р.: *Русины на Словенську*. K aktu kodifikácie bola predložená aj publikácia z oblasti originálnej rusínskej umeleckej literatúry, ktorú predstavila známa rusínska prozaička Мальцовска, М.: *Манна і оскомина*. Všeobecné javy spisovného rusínskeho jazyka najobľahlejšie zahŕňa *Gramatika rusínskeho jazyka* autorov Jabur, V., Plišková, A., Koporová, K. (2015).

5 Veľmi komplexne sa opisom jazykového systému rusínskeho jazyka v kontexte jeho kodifikácie zaoberajú Plišková, A., Koporová, K. a Jabur, V. vo svojej najnovšej publikácii z roku 2019: *Русинський язык : Комплексный опис языковой системы в контексті кодифікації*.

ných školách a ich zachovanie, ale naopak chce málotriedne školy zrušiť) sa prestali vyhovárať a začali otvárať rusínske školy, pretože záujem rodičov by tu bol, ak by fungovali rusínske školy alebo ak by školy ponúkali aspoň rusínsky jazyk ako nepovinný predmet.

Podstatným zistením analyzovaného sociologického výskumu z hľadiska bariér reflektovania národného povedomia Rusínov na Slovensku je fakt, že mnohí opytovaní Rusíni ani nevedia, že jedna skupina z ich nárečí bola vzatá za základ ich spisovného jazyka a že na oficiálnom vyhlásení rusínskeho jazyka 27. 1. 1995 v Bratislave ako spisovného jazyka Rusínov na Slovensku sa tento stal oficiálne štvrtým východoslovenským jazykom (popri ruskom, ukrajinskom a bieloruskom). Dali sme respondentom jednoduchú otázku: „Kedy bol kodifikovaný rusínsky jazyk ako spisovná norma pre Rusínov na Slovensku po roku 1990?“ Na túto jednoduchú otázku, týkajúcu sa podstaty národného povedomia Rusínov po roku 1990, neodpovedalo až 165 respondentov, čo je 43,1 % zo všetkých respondentov výberového súboru, t. j. dve pätiny výberovej vzorky. Príčiny môžu byť rôzne: možno preto, že ani netušili, že ich jazyk bol kodifikovaný, alebo len nevedeli, v ktorom to bolo roku. Z troch pätín respondentov, ktorí odpovedali na túto otázku, t. j. 54,1%, vedeli, že sa tak stalo v roku 1995 a takmer jedna tretina z nich (30,2%) otvorene napísala, že nevedia, kedy bol ich materinský jazyk kodifikovaný. Svoju neznalosť zakrývali aj odpoveďami typu: „Nesúhlasím, ktorékoľvek nárečie by mohli kodifikovať. / Pozrite si v Googli...“ Ak vedia o kodifikácii svojho spisovného jazyka, nekonečné debaty vedú o tom, prečo sa základom spisovnej normy rusínskeho jazyka nestalo práve ich nárečie.

Záver

Jednou z najväčších bariér v národnoidentifikačnom procese Rusínov je dlhodobá asimilácia s väčšinovým štátotvorným národom na Slovensku. Asimilácia rusínskej národnostnej menšiny so slovenským národom, podľa nášho názoru, prebieha na niekoľkých úrovniach.

Ak mama a otec rozprávajú so svojimi deťmi po slovensky, ba dokonca starí rodičia rozprávajú so svojimi vnukmi po slovensky, tak je prirodzené, že deti a vnuci považujú za svoj materinský jazyk – jazyk svojej vlasti, a nie jazyk svojich rodičov či všetkých svojich predkov. Ten-

to postoj vyvolaný rôznymi okolnosťami (tragickou históriou Rusínov, životom v mestskom väčšinovom prostredí, zmiešaným manželstvom, negatívnou skúsenosťou s väčšinovým nacionalizmom...) však zväčša vedie k odnárodneniu vlastných potomkov. Kým tento neodškriepiteľný fakt Rusíni na Slovensku nepochopia, bude v ohrození zachovanie ich rodu čím ďalej, tým viac.

Príznačné sú slová jedného z odnárodnených respondentov: „**Neovládám rusínsky jazyk, lebo moji rodičia so mnou od útleho detstva hovorili po slovensky, ergo, mojím materinským jazykom nie je rusínsky, ale slovenský jazyk, ergo som Slovák, hoc obaja moji rodičia sú Rusíni a rozprávajú po rusínsky. Mňa tak rozprávať nenaučili, tak sa zo mňa stal Slovák.**“

Tieto zistenia z vyjadrení respondentov výskumu jadrne a hutne vyjadril vo svojej karikature Fedor Vico, preto sa okrem iného stala aj emblémom kampane SNM – Múzea rusínskej kultúry v Prešove pred sčítaním obyvateľov, bytov a domov v roku 2021.

V našom výskume sme zistili, že používanie rusínskeho materinského jazyka medzi rodičmi a deťmi sa postupne vytratilo počas troch generácií z viac ako polovice domácností Rusínov, čo považujeme za alarmujúce zistenie.

Ďalším zo závažných prejavov pokročilej asimilácie Rusínov na Slovensku s väčšinovým národom je nevybudovanie rusínskeho školstva. Neexistencia rusínskych škôl v širšom rozmere (v súčasnosti existujú na Slovensku dve školy s vyučovacím jazykom rusínskym, tri školy s vyučovaním jazyka rusínskeho a v jednej škole si môžu žiaci vybrať krúžok rusínskeho jazyka), kde by sa mladí Rusíni naučili ovládať svoj

materinský jazyk v písomnej i spisovnej hovorenej podobe, je príčinou i dôsledkom silnej asimilácie. Neexistencia potreby ovládať svoj jazyk v písomnej podobe môže viesť k jeho zániku vtedy, ak odídu poslední aktívni používatelia jeho hovorenej formy.

Potešiteľným zistením analyzovaného výskumu je fakt, že respondenti deklarovali ochotu zapísať svoje deti na vyučovanie rusínskeho jazyka, ak by sa v škole v ich meste či dedine vyučoval rusínsky jazyk. Len je otázne, nakoľko vážne to mysleli a neštylizovali sa do želanej odpovede.

Podstatným prejavom asimilácie Rusínov so Slováckmi potvrdeným daným sociologickým výskumom z hľadiska bariér reflektovania národného povedomia Rusínov na Slovensku je fakt, že mnohí opytovaní Rusíni ani nevedia, že jedno z ich nárečí bolo vzaté za základ ich spisovného jazyka a že oficiálny akt kodifikácie prebehol 27. januára 1995 v Bratislave. 118 respondentov z 384 všetkých respondentov vedelo, kedy bol kodifikovaný rusínsky jazyk po roku 1989, teda 30,7% všetkých respondentov. Necelá tretina z nich. Rusíni na Slovensku zaujímajú ambivalentné postoje ku kodifikácii svojho jazyka. V širokej miere ho nerešpektujú z rôznych dôvodov, hlavne preto, že sa ho nikdy neučili v škole, ale aj preto, že podľa mnohých nevychádza práve z ich nárečia.

Ak sa pri otázke o kodifikácii rusínskeho jazyka výberový súbor rozdelil na dve časti, pričom tú väčšiu tvorili respondenti bez jasného názoru na význam kodifikácie vlastného jazyka, dokonca ôsmimi percentami zastúpených respondentov s odmietavým názorom na ňu, potom to je opäť ďalší z dôkazov slabej identifikácie Rusínov s vlastným jazykom v jeho písomnej podobe, teda vlastnou identitou ako takou. Žiaden jazyk v modernej spoločnosti s veľkou migráciou obyvateľstva do miest a do iných krajín nemôže pretrvať do budúcnosti iba v hovorenej podobe. Z toho jednoznačne vyplýva, že ***Rusínom na Slovensku chýba vzdelanie v národnostných rusínskych školách, kde by sa takéto základné a pritom primárne skutočnosti o svojom národnom živote ovplyvňujúcom ich národnú identitu dozvedali.*** Len v škole sa nastupujúce generácie učia históriu svojho národa i jeho spisovný jazyk v písomnej podobe. Ak takéto školy Rusínom chýbajú, chýba im ich základná podstata, podstata výučby k sebauvedomeniu. Práve chýbajúce rusínske školstvo je jednou zo základných bariér v sebareflexii vlastnej národnej, vrátane jazykovej identity u Rusínov na Slovensku.

LITERATÚRA

<http://census2011.statistics.sk/tabulky.html>

https://cs.wikipedia.org/wiki/Analýza_rozptylu

https://cs.wikipedia.org/wiki/Chí-kvadrát_test

https://en.wikipedia.org/wiki/Duncan%27s_new_multiple_range_test

https://lt.justice.gov.sk/Attachment/vlastny_material.pdf?instEID=1&attEID=58627&docEID=324594&matEID=6524&langEID=1&tStamp=20130830100017647

<http://www.rusyn.sk/scitanie-obyvatelstva-2011/>

http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z156_100000.pdf

http://www.statistics.sk/webdata/scitanie/def_sr/Data/100000/Z115_100000.pdf

ЯБУР, В., ПЛІШКОВА, А. (2005). *Русинський язык в зеркалі нових правил про основні і середні школи з навчанням русинського языка*. Пряшів: Русин і Народні новинки.

ЯБУР, В., ПЛІШКОВА, А., КОПОРОВА, К. (2007). *Русинська лексика на основі змін у правилах русинського языка*. Пряшів: Русин і Народні новинки.

ЯБУР, В., ПЛІШКОВА, А., КОПОРОВА, К. (2015). *Граматика русинського языка*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity. 328 s. ISBN 978-80-555-1448-2.

ЯБУР, В., ПАНЬКО, Ю. (1994). *Правила русинського правопису*. Пряшів: Русинська оброда – Інститут русинського языка і культури.

КРАЙНЯК, Ф. Малий грекокатолицький катехізм про русинські діти.

KRÁĽOVÁ, Ľ. (2015). Čemerica IV – Zborník výstupov z terénneho sociologického výskumu s názvom *Zisťovanie bariér sebareflexie vlastnej identity u Rusínov a ich súvis s (ne)uplatňovaním garantovaných ľudských práv na Slovensku*. Bratislava: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska. 151 s. ISBN 978-80-971779-6-6.

МАГОЧІЙ, П. Р. (1994). *Русины на Словенську*. / MAGOCSI, P. R. *Rusíni na Slovensku*. Пряшов: Русинська оброда. 216 s. ISBN 80-88769-05-1.

ПЛІШКОВА, А., КОПОРОВА, К., ЯБУР, В. (2019). *Русиньскый язык: Комплексный опис языковой сїстемы в контекстї кодїфікації*. ACTA UNIVERSITATIS PREŠOVIENSIS. Monografia (AUP). Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity. 476 s. ISBN 978-80-555-2243-2.

**PhDr. Ľuba Kráľová, Ph.D.,
Slovenské národné múzeum –
Múzeum rusínskej kultúry v Prešove
Masarykova 20
080 01 Prešov
Slovakia**

luba.kralova@snm.sk

K DVOM BÁSNICKÝM ZBIERKAM ELENY CHOMOVEJ-HRIŇOVEJ

Ivana SLIVKOVÁ

Abstract

The work of Elena Chomová-Hriňová as a contemporary Ruthenian author raises several stimulating questions that help to understand the Ruthenian cultural identity. The article characterizes the author's two poetry collections, *Ujackými drážkami* (2020) and *Pod skalou rastú šípky* (2021). Typologically, it is a traditional Ruthenian natural and reflective poetry enclosed in the environment of the village and the surrounding nature. The creation of the poet is based on the harmony of the human being with the environment in which he lives. Natural motives are glorified against the background of relationships, deep family ties - especially with the immediate family (parents, children, uncles, aunts, etc.), which the poet of. i. creates a picture of cohesion as one of the priorities of the Ruthenian cultural environment. The question of cultural integration and efforts to aesthetically emancipate literary work in Chomová-Hriňová does not bring a new original view, but it certainly resonates and, despite relatively simple and straightforward confessions, her poems nostalgically and authentically bear the depth of the survivor.

Keywords: Poetry. Ruthenian literature. Cultural identity. Elena Chomová-Hriňová.

Moderná pôvodná rusínska literatúra na Slovensku od čias tvorby Márie Maľcovskej (1951 – 2010) hľadá svoju novú *prvú dámu*. Ženské autorky vstupujúce do rusínskeho literárneho procesu tematicky oscilujú v akejsi komfortnej zóne, tvoria v rámci „bezpečných“ miest ľudského života, neprinášajú napätie vyplývajúce z emocionálneho pretlaku ženskosti či tzv. ženského pohľadu na svet. Poetické obrazy v literatúre písanej ženami otvárajú dôležité otázky svetonázorového charakteru, ktoré majú byť symbolickým vyjadrením spoločenskej pozície ženy, jej typizovaných rol a predovšetkým dôkazom neopodstatnenosti široko zakorenených predstáv o jednoduchosti ženského sveta. Na základe prehľadu publikácií súčasných rusínskych literátok na Slovensku vydaných v ostatných rokoch sa ukazuje, že ono biele miesto po Márii Maľcovskej ostáva neobsadené. Z vlastnej čitateľskej i interpretačnej skúsenosti s tvorbou viacerých rusínskych spisovateľov ako napr. už

spomínaná Mária Maľcovská, ale aj Štefan Suchý, Mikuláš Kseňak, Jurko Charitun, Kveta Morochovičová Cvyk či Ľudmila Šandalová a pod. môžeme povedať, že obsahová náplň rusínskej tvorby nie je vyrovnaná, ostáva pri zemi. Vstupujúc do charakteristiky minoritnej tvorby sa vždy, chtiac-nechtiac, dostávame ku komparácii so situáciou v dominantnej kultúre. Nehľadiac na túto potrebu vzájomného porovnania faktom zostáva, že literárna tvorba rusínskej menšiny v slovenskom prostredí sa vyvíja pomaly, avšak vydanie každej ďalšej publikácie znamená krok vpred (podľa Pavlič 2021). V prípade, že autor nezostane len pri debutovom vydaní, píše a publikuje ďalej, je prínosné venovať mu pozornosť, pokúsiť sa mu porozumieť a poskytnúť spätnú väzbu jeho tvorivým pokusom. Taký je aj prípad Eleny Chomovej-Hriňovej (1958), ktorá do literárneho procesu vstúpila pred niekoľkými rokmi účasťou v súťaži pôvodnej rusínskej nepublikovanej tvorby (Literárna cena Márie Maľcovskej) a v súčasnosti je autorkou dvoch publikovaných básnických zbierok *Уяцькыма дражкамы/Ujackými cestičkami* (2020) a *Під скалов росте свербегуза/Pod skalou rastú šípky* (2021).

Tvorba Eleny Chomovej-Hriňovej je založená na neoblomnej istote súladu ľudského bytia s prostredím, v ktorom žije a to sa ukazuje už v názvoch oboch zbierok, ktoré vypovedajú o silnej spätosti autorky s rodným krajom, ale aj s prírodou všeobecne. Prírodné motívy sú glorifikované na pozadí vzťahov, hlbokých rodinných väzieb – najmä s najbližšou rodinou (rodičia, deti, strýkovia, tety a pod.), ktorými poetka o. i. vytvára obraz súdržnosti ako jednej z priorít rusínskeho kultúrneho prostredia. Rusínstvo vo všetkých jeho podobách je už dlhodobo tradičným námetom rusínskej umeleckej tvorby a jeho zobrazenie v literatúre býva rôznorodé, od najrozšírenejšieho ruralistického insitného kliše cez apelatívne rečníctvo až po modernizačné tendencie prispôsobujúce rusínčinu každodennosti – modernej, technológiami ovplyvnenej spoločnosti. Elena Chomová-Hriňová prežíva rusínsku kultúrnu identitu vo viacerých líniách, píše o miestach blízkych jej srdcu, ktoré sú rusínskymi regiónmi s ich stereotypne ohraničenými špecifikami ako napr. v podobe opustených domovov, ale prirodzené rusínske väzby zdôrazňuje tiež vo výzvach k používaniu i ochrane jazyka ako zdedenej, vrodenej podobe národnej príslušnosti. Kultúrny vývin rusínskeho obyvateľstva na severovýchode Slovenska, vrátane rodného kraja E. Chomovej-Hriňovej, bol výrazne ovplyvnený lokalizáciou na pomedzí kultúrneho vý-

chodu a západu čo spôsobilo istú mieru bipolárnosti tohto prostredia, lavírovania „medzi“ a v dôsledku toho tiež istej miery izolácie, resp. problematickej sebaidentifikácie. Stanislav Konečný (2009, s. 43) hovorí o historickom (povojnovom) dualizme rusínskeho obyvateľstva v karpatskej oblasti a naznačuje, „(...) že práve ambivalentnosť západných a východných prvkov v kultúre Rusínov bola jednou z hlavných príčin zložitej etnogenézy a problémov národného sebauvedomenia menšiny“. Dôsledkom lokálnosti, miestnej príslušnosti Rusínov žijúcich „tu“ je spájanie jazykových preferencií nielen s rodným krajom, s rodnou dedinou, ale aj s rodinným prostredím, s rečou najbližších a tak je to aj v prípade Chomovej-Hriňovej, ktorá píše „родна реч – то слово мамы“, a zároveň dodáva rodinným väzbám hodnotu vzácnosti a výnimočnosti prirovnaním jazyka k drahokamu – „(...) обрушенный діамант / з каждой страны“, ďalej k perle „(...) скрыта по предках перла“ a gradácia je uzavretá prirovnaním k božiemu daru: „То дар небес – русиньске слово на земли“ (s. 12, 2021). Obdobné spojenie rodného jazyka so symbolom matky nachádzame aj v ďalších básňach napr. „Русиньска кров нам тече жылами, мамине слово, співанкы“, pričom spojenie slová a piesne „слушайте надале, потомкове, голос своєї русиньської мамы“ (2021, s. 165). Menšiu mieru interpretácie vyžadujú priame apelatívne verše ako napr. v básňach *Яка доля Русина?* (2020, s. 6), *Земля в Карпатах* (2020, s. 53), *Заповіт Русина* (2020, s. 54) či *Збудьме ся, Русины*, v ktorej sa bazíruje na historickom práve na život v karpatskom podhorí, na dedičstvo predkov:

„То наша земля,
братя, сестры,
ту наша русиньска родина,
ту сьме дома в русиньскім краю,
під Бескідами – наша отчїзна.“

Prepojením jazyka a ďalšieho z kultúrno-identifikačných elementov je v tvorbe poetky neustála prítomnosť Boha ako stmelujúcej, nápo-
mocnej, každodennej sily predovšetkým v podobe modlitby ako v básni *Охрани, Боже, русиньске покоління*, kde čítame „О, Господи, храни нас од злого, ний русиньскы діти не зрікають ся свого“ (2021, s. 165). Stretávame sa aj so spojením na línii rodné miesta a viera ako napr. v básni *Кланям ся тобі* (2021, s. 9):

„Кланям ся низонько,
краю тобі / (...)
Там тихонько
помолю ся ку
Пречістїй Дїві Марії”.

Otázka kultúrnej integrácie a úsilia o estetickú emancipáciu literárnej tvorby u Chomovej-Hriňovej neprináša nový originálny pohľad, ale zaiste rezonuje a napriek pomerne jednoduchým a priamočiarym vyznaniám, jej básne nostalgicky i autenticky nesú hĺbku prežitého.

Prežité a prežívané napr. aj s ohľadom na aktuálnu pandemickú situáciu poetka vyjadruje prostredníctvom citlivého a zároveň skúseného lyrického subjektu ako v básni *Pik 2020* (2021, s. 67), kde čítame o spoločenskom pesimizme a vysilení, ktorého jediným riešením je sila modlitby a viera v zásah Hospodina –

“зложиме руки в молитвах,
просиме Господа на небесах о поміч і благодать”;

obdobnú myšlienku vyjadruje aj báseň *Пандемія 2020* (2021, s. 55) –

“Похворїла земля
і люде на нїй,
ці найде чоловіченство спокій,
у Господа одпущїня вин?”.

Nielen v spoliehaní sa na silu života vo viere sa prejavuje typizácia zreleho veku a staroby, ale taktiež vo výpovediach plných pokory, tolerance a porozumenia, ktoré odzrkadľujú zmierlivý prístup k svetu vo všetkých jeho podobách. Obrazy osobnej skúsenosti a životnej praxe prevládajú v oboch básnických zbierkach a zároveň dotvárajú mozaiku svetonázorového spektra rusínskej duše. Mária Maľcovská v osobnej výpovedi o tvorivej práci¹ o. i. povedala, že najlepšie sa píše o tom, čo autor dôverne pozná a v jazyku, ktorý je preňho rodným, materinským. Tento tvorivý postup je v tvorbe Eleny Chomovej-Hriňovej uplatnený stopercentne, poetka nevstupuje do neznámych vôd, opisuje a charak-

1 Parafrázované podľa materiálu Jany Truščinskej Sivej *Rusínski literáti 5 Mária Maľcovská Zelená fatamorgána*, zverejnenom na stránke Múzea rusínskej kultúry. Dostupné online: <https://www.snm.sk/?material&clanok=rusinski-literati-5-maria-malcovska-zelena-fatamorgana>

terizuje iba prirodzené súvislosti vlastného života. Preto v jej básňach nachádzame mnoho „živých vecí“, ktorými personifikuje tradičné prvky dedinského života ako napr. dedovu fajku či kabát na vešiaku, ktorý je svedkom hostiny. Okrem pravidelnosti rýmu a typizácie symbolov sa línia jednoduchosti zachováva aj v názvoch jednotlivých básní, ktoré sú prosté a priame napr. šťastie, pravda, hviezda, pokoj v duši, čas a pod.

Motív plynutia času v rôznych podobách je v oboch zbierkach všadeprítomný, avšak dominanciu má príchod staroby, ktorá podľa autorky symbolizuje skúsenosť a múdrosť. No i s ňou sa treba vyrovnat' a prijať ju ako čas zaslúžených vrások a oddychu, s ktorým je spätá túžba užívania si pokojných dní plných radosti s potomkami ako v básni *Поклонься рокам* (2021, s. 75):

„Подати руку рокам,
низко ся склонити,
покорно прийняти судьбу,
денно ся Отченаш молити.
Крок за кроком
іти дражками.
Мамину співанку
радо співати.
Стиснуты п'ясти
розтворити,
м'їлым словом
каждого потїшыти
і почестовати.”

V porovnaní s básňami o čase z predchádzajúcej zbierky sú novšie básne zrelšie a naplnenejšie, pretože v básňach *Час* (2020, s. 4) či *Перелетів час* (2020, s. 5) je idea plynutia času vyjadrená priamočiaro akoby sa nepočítalo s čitateľským idiolektom: „(...) не позерай на час, / він втече од нас, / не заставить, не почекать” (s. 4) alebo “Одышла любов, одлетів час, далеко на крылах” (s. 5).

Osobnou výpoveďou o vnímaní času je báseň o životnom jubileu autorky, v ktorej okrem bilancovania prežitých dní a nocí, píše aj o samotnom procese tvorby, ktorý je pre ňu každodennosťou ale aj umením:

„Як маляр з палетов в руках
малює образ свіжкый,

так моє тинтове перо
на папірь стишки пише”.

Časovosť i subjektívny rebríček hodnôt sú ukryté v poslednej strofe tejto básne:

„Даремны роки хотятъ достигнути мене,
вернути ся назад уже не можуть,
постою, плечами покорчу,
подякую Богу за живот, за родину
за дары і мілость твою.” (2021, s. 34)

I tu sa ukazuje typická línia tvorby Eleny Chomovej-Hriňovej, ktorá je syntézou lásky k rodine, úcty k rodným miestam, citlivosti k materskému jazyku a oddanosti k Bohu. Obdobné motívy sú viditeľné aj v mnohých ďalších ukážkach, v ktorých sa tematizujú tradičné práce na dvore a na poli, kvitnúce polia a voňavé lesy, letiace orly... Vplyv ľudovej tradície naznačujú básne s názvami sviatkov a sviatočných tradícií, ale aj typologické usporiadanie básní, ktoré aj formálne pripomínajú ústnu ľudovú slovesnosť, najčastejšie ľudovú pieseň ako napr. prítomnosť opakovanie na začiatku strofy v básni *Повіджете мі, мамо...* (2021, s. 36), v ktorej sa spájajú všetky vyššie uvedené motívy – dôvera v múdrosť starších (*Повіджете мі, мамо...*), zakorenenosť v rodnom kraji (*скадыль я походжу, / де мої коріня, / по кім мено ношу?*), pracosť ako životný princíp (*при тяжкій роботі все собі співали, співы свого роду, силу їм давали*) i rusínska identita (*Ты дітя Русинів, / што в тім краю жили, / побожны і честны / тоты люде были*). Podobnú líniu, formálnu i obsahovú, možno nájsť vo viacerých básňach, ktoré prirodzeným spôsobom inovujú tradičnú folklórnu mytológiu.

Zaujímavejším prvkom sú filozofické svetonázorové elementy tvorby poetky, ktorá kladie veľa bytostných otázok a hľadá stratený zmysel života, prípadne uvažuje nad náročnejšími témami ako smrť a jej následky pre pozostalých (*Домів іду, там жаль свій несучу...*, 2021, s. 152), spravodlivosť (*Знаш, чом жыєш*, 2021, s. 148), bieda (*Хмара закрыла сонечко*, 2021, s. 144), všeobecne život a jeho prežívanie, ktoré ľudí vedie všakovakými cestami. Azda najkomplexnejšie sú tieto témy prepojené v básni *Застав ся, чоловіче* (2021, s. 147), v ktorej sa reflektuje zodpovednosť jednotlivca za život, ktorý žije, za výber, ktorý robí a zároveň sa akcentuje je zázemie, ktoré je pre človeka ako sociálnu bytosť nevyhnutné:

„Любый чоловіче,
не вандруй по світі,
бо сонечко єднак
і ту дома світить.
Найди собі щастя
на вітцівській землі,
не путуй по світі,
не є де ся сперти?
Світ несправодливий –
клямство, непокої,
тобі треба жыти
подля властной волі.”

Obdobné myšlienky nachádzame aj v ďalších básňach, ktoré nesú leitmotív „život je dar“ a pôsobia ako melancholická až nostalgická časť básnickej tvorby Eleny Chomovej-Hriňovej. Poetka sa v nich predstavuje ako sentimentálna žena, ktorá neobmedzuje svoje emócie, necháva ich voľne plynúť, následne z nich vytvára logické tematické celky, avšak neustále sa vracia k základnej typológii svojich sociálnych rol, ktoré sú základom jej tvorivého postupu – dcéra, matka, Božie dieťa, Rusínka. Zdá sa, že aj nemožnosť odosobnenia sa drží autorku v hraniciach zjavnej predvídateľnosti ideového aj formálneho obsahu jej básní.

Podnetným je vo viacerých básňach opakujúci sa symbol studne, zaiste miestami použitý aj v priamom význame, avšak práve hĺbka a životodarná sila vody, symbolika lásky Omara a Fatimy ako aj ťažkej práce pri kopaní studne naplňajú obraz hodnotového systému autorky nenásilne a zároveň pútavo, originálne. Reflexia nad rusínskym osudom, snová vízia najtajnejších túžob i morálne poučenie mladšej generácie v symbolickej podobe, ktorá si vyžaduje porozumenie textu i interpretačný záujem je tvorivým postupom, ktorý by mala poetka vo svojej tvorbe posilniť.

V básni *Сумління* (2021, s. 53) autorka prirovnáva básnickú tvorbu k niečomu vzácnemu, čo si vyžaduje „sviatočný obrus“: „Писати віршы ся ті хоче? / З сумлінєм ся не сперечай. / Вышиваным / святочным обрусом / потім шумні / стіл поприкрывай.” V procese písania je prítomná snaha o estetické vyjadrenie napätia medzi človekom a životom a to je viditeľné aj v tvorbe Eleny Chomovej-Hriňovej. Jej básnické zbier-

ky sa môžu stať „predohrou k výmene literárnych generácií“ (Šmatlák, 1999, s. 157), avšak medzi melancholickým „vypísaním sa“ z trápenia a naplneným estetickým obsahom básní je viacero rozdielov, aj preto treba pamätať na to, že menej je niekedy viac.

Širokospektrálnosť udalostí a podnetov, ktoré formujú identitu človeka i básnika zaručuje, že kultúrna osobitosť je formovaná nielen geografickými, politickými či spoločenskými podmienkami, ale aj ich prijatím a prijatím seba samého v týchto podmienkach. Viacero vrstiev znakov rusínskeho kultúrneho areálu reflektuje jednotlivé obdobia konštituovania minority, pričom tento proces, ako sa zdá aj na základe ukážok z tvorby Eleny Chomovej-Hriňovej, stále neukončený a aj v 21. storočí pretrváva v hlboko spoločensky zakorenených predstavách o potrebe apelu na sebaidentifikáciu a uvedomenie si vlastnej kultúrnej identity, ktorá je súborom tradičných rusínskych hodnôt.

LITERATÚRA

CHOMOVÁ-HRIŇOVÁ, E. (2020). *Ujackými drážkami*. Svidník: Akadémia rusínskej kultúry v Slovenskej republike, ISBN 978-80-89798-19-3, s. 63.

CHOMOVÁ-HRIŇOVÁ, E. (2021). *Pod skalou rastú šípk*y. Svidník: Akadémia rusínskej kultúry v Slovenskej republike, ISBN 978-80-89798-31-5, s. 192.

KONEČNÝ, S. (2009). Kultúrne aspekty vývoja rusínskej a ukrajinskej menšiny na Slovensku v povojnovom decéniu. In: *Človek a spoločnosť. Internetový časopis pre pôvodné teoretické a výskumné štúdie z oblasti spoločenských vied*. Vol. 12, No. 1. ISSN 1335-3608 [online]. Cit. 30.08. 2021. Dostupné z: <http://www.clovekaspolocnost.sk/jquery/pdf.php?gui=HVEBR73HQGBY7VI2LFJM5NCY>

PAVLIČ, M. (2021). Елена ХОМОВА-ГРИНЬОВА. In: Chomová-Hriňová, E. *Pod skalou rastú šípk*y. Svidník: Akadémia rusínskej kultúry v Slovenskej republike, ISBN 978-80-89798-31-5, obálka.

ŠMATLÁK, S. (1999). *Dejiny slovenskej literatúry II (19. storočie a prvá polovica 20. storočia)*. Bratislava: Národné literárne centrum – Dom slovenskej literatúry, ISBN 80-88878-50-0, 559 s.

Mgr. Ivana Slivková, PhD.
Prešovská univerzita v Prešove
Filozofická fakulta
Inštitút stredoeurópskych štúdií
Ul. 17. novembra 1
080 01 Prešov
Slovakia

ivana.slivkova@unipo.sk

К ВОПРОСУ ВСТАНОВЛІНЯ РОДУ НАЗЫВНИКІВ ПЛУРАЛІЯ ТАНТУМ В РУСИНЬСКИМ ЯЗЫКУ

Кветослава КОПОРОВА

Abstract

The paper focuses on the determination of grammatical gender in nouns of the category 'pluralia tantum' (nouns that are always plural). The emphasis is not on the semantics of these nouns but rather their formal (grammatical) features (inflections used for their declension), which make it possible to determine the grammatical gender of individual nouns. In the context of nouns that are always plural (pluralia tantum), proper nouns are also defined (names of geographical areas, names of church holidays), as well as the names of villages in Rusyn that take the form of pluralia tantum. The paper presents the specifics of their paradigm, but focuses on a specific phonological phenomenon typical for Rusyn – the historical 'o>i' alternation in closed syllables.

Keywords: Pluralia tantum nouns. Grammatical gender. Declension.

Виділення назывників плуралія тантум в русиньскім языку

При рішанню проблематики назывників плуралія тантум в русиньскім языку ся будеме операти о дві найновшы публікації: *Правила русиньского правопису з орфографічним і граматічним словником* авторів Плїшкова, А., Копорова, К., Ябур, В. і кол. (2019) і монографію *Русиньскый язык. Комплексный опис языковой системы в контексті кодифікації* авторів Плїшкова, А., Копорова, К., Ябур, В. (2019).

За назывники плуралія тантум (plurale tantum) поважуєме такы, котры ся з граматічного погляду хоснують лем в множинім числі (плуралі), то значить, не мають граматічну форму єднотного числа (сінгулару). З погляду семантики такы назывники формов плуралу называють єден предмет (єдну субстанцію, або єден яв). Кедьже їм хыбить парадігма єднотного числа (сінгулару), ослаблює ся ай їх родове визначіня. К назывникам плуралія тантум в русиньскім языку мож зарядити общі поменования неживых предметів котры ся звичайно складають з двох єднаких нерозділных частей (*ногавкы/ногавіці, гачі, тренірки, плавкы, окулярї, кліщі, санкы...*),

але не є то правило (*гуслі, двері, вилы, граблі, ціпы, ворота, кросна, сіни, дріджі, понуды, ризы, палчаки, грошы/пінязі, аліменти, новинки, пацеркы/бісарі...*). Далшу групу називників плуралія тантум творять субстантивы, котры называють даяку подію (в часовім одрізку), або даяку дїтську забавну гру (*народенины, хрестины, комахні, промоції, вакації, заручіны, вечуркы, святкы, радованкы, роковины, сходины, спросины, джмурькы, їманкы, стоп(и)кы, вычитанкы, хованкы...*). Маєме і групу називників – дакотрых тзв. паровых органів людського тіла, котры ся таксамо хоснують лем в множині чіслі (*груды, бавусы/баюсы, крижы, плюца, продушкы/бронхы, геніталії...*), к ним мож прирядити як підгрупу назвы дакотрых хворот (*сухоты/сухотины, філцкы, гемороїды, (в)осыпкы¹...*).

Шпеціалнов групов в тім контексті суть назвы дакотрых паровых частей людського тіла, но они ся не поважають за називники плуралія тантум, бо мож із них утворити ай форму сингулару, котра ся але хоснує лем рідко (*павучайкы, кліпайкы, бровы, покруткы/ледвины, пестракы/пастракы²...*). До той сорты належать ай дакотры архаїчны части облечіня, обуві, або іншы архаїчны поменювання, ці назвы страв (*верьпці, бочкоры, штримфлі, штримфадлі, чапігы, крупы, гомбовці, стряскы, різанкы³...*), но там проблем у встановліню роду не настає (ани особитости у парадігмі), бо утворінем сингулару даного називника мож легко встановити род, зато ся нима не будеме близше займатися.

Інтереснов групов називників плуралія тантум в русиньскім набоженьскім контексті суть назвы цеьковных свят (*Здвигы, Крижы, Главосікы, Покровы...*). В посліднім виданю орфографічного словника русиньского языка (2019) можеме найти в шпеціалній частині на концю словника таксамо правопис назв сел (і од них утворених деріватів), з котрых значне чісло мож зарядити таксамо ід називникам плуралія тантум⁴. Суть то такы села як напр.: *Баєрів-*

1 В ортогр. словнику мають таксамо, як ай остатні спомянуты позначку: пл. тант.

2 В орфографічнім словнику мають форму сингулару і є коло них позначка: звыч. мн./звыч. пл.

3 В орфографічнім словнику мають форму сингулару і є коло них позначка: звыч. мн./звыч. пл.

4 Назвы сел ай з насліднов граматічнов інформації, в котрых жыють, або в минулости жыли Русины суть уведжены в алфавітнім порядку на концю словника. Наряджінєм влади СР з року 1999 був виданий новий (актуальный) список сел, в котрых жыє мінімально 20 % жытелів СР, які належать к народностным меншынам. Тото

ці, Бенядиківці, Бжаны, Кечківці, Маківці, Руськы Пекляны, Розтоky, Ременины, Страняны, Словінкы, Фалкушівці, Чабалівці, Чукалівці, Якубяны.... Самособов, шпеціалну сорту назывників плуралія тантум творять властны назвы (пропрії), котры суть пендантами к общім поменованиям (апелатівам). Характерныма в русиньскім контексті суть передовшыткым назвы гор, або хотарны назвы – топонімы – *Береги, Бескіды, Долин(к)ы, Над Гряды, Загороды, Ліщінкы, Драгы⁵, Пасікы, Кычаркы, Бантад Луки⁶, Верлічкы (од: верьх річкы), Майданы, Лучкы⁷, Котилніці⁸...*). Як видно, палета назывників плуралія тантум є значно пестра.

Род і парадігма назывників плуралія тантум

Як встановити род таких назывників? Тот вопрос є важный главно тогды, кедь нам треба творити формы падовых закончінь. Словацькый лінгвіста Ф. Міко назывники плуралія тантум виділює як шпеціалну групу і поважує їх (ведно із назывниками сінгуларія тантум) за дефектны, бо не мають повну парадігму в протикладі ід назывникам, котры мають ай сінгулар, ай плурал⁹.

В найновшій монографії *Русиньскый язык¹⁰ при граматічній характерістіці назывників плуралія тантум є уведжена табличка флектівных морфем назывників маючих лем множне чісло (є ту уведжених пять взорів падовых закончінь: **двері, ножычкы, гуслі, санкы, Татры**)*. Як видно, маєме ту дві групи подля закончіня – тверду (флексія -ы¹¹) і мягку (флексія -ї). Таки флексії в номінатіві плуралу мають ай назывники мужского і женьского роду (позерай табличку взорів про мужскый род в тій самій монографії:

наряджіня было доповнене наряджінем влады СР ч. 534/2011 36. з. о означіню сел в языках народностных меншын (новелізація платить од 1. 1. 2012.

5 HRIŽ, R. (2009). *Z histórie a súčasnosti obce Nižná Jedľová (1559 – 2009)*. Svidník: Tlačiareň Svidnícka s. r. o. ISBN 978-80-89392-03-2.

6 Хотарны назвы в селі Пчолине, окр. Снина.

7 Хотарны назвы в селах окр. Стара Любовня.

8 БОДНАР, І. (2021). *Стары руцаньскы прыгоды/Staré príbehy z Ruského*. Пряшів: ОЗ Колысочка – Kolíska.

9 MIKO, F. (1962). *Rod, číslo a pád podstatných mien*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 256 s., s. 74.

10 ПЛІШКОВА, А. – КОПОРОВА, К. – ЯБУР, В. (2019). *Русиньскый язык. Комплексный опис языковой системы в контексті кодифікації*. Пряшів: Выдавательства Пряшівской універзіты, 476 с., ISBN 978 – 80 – 555 – 2243 – 2, с. 137.

11 Ту нам хыбыть взоровый назывник твердой группы із закончінем на -и, напр.: *груды*.

дім – дома, пень – пні, взоры про женьскый род: **мыш – мышы, ніч – ночі**). Тоды мож конштатовати, же назывники плуралія тантум будеме рядити до мужского, або до женьского роду, а то подля закончіня в непрямых падах, причім вирішалныма у встановлїню ці іде о мужскый, або о женьскый род суть флексії генітиву плура-лу. Із орфографічного словника русиньского языка ся але можеме дізнати, же маєме ай назывники плуралія тантум закончены на -а (*плюца, кросна, ворота...*). Тота флексія нам вказує на заряджіня таких назывників до середнёго роду (документує нам то таблічка взору другой деклінації: **село – села – сел**).

Приближимо таблічку падовых закончінь взорів назывників плуралія тантум (ай з коментарём к єднотливим формам), котра є уведжена в монографії і поспробуєме высвітлити ключ, подля якого мож встановити род уведжених назывників.

	Множне чїсло /Plurale tantum				
Н.	двері	ножычкы	гуслі	санкы	Татры
Г.	дверей	ножычок	гусель	санок	Татер
Д.	-ям/-їм	-ам	-ям	-ам	-ам
А.	як Н	як Н.	як Н.	як Н.	як Н.
Л.	-ях/-ёх	-ах	-ях	-ах	-ах
І.	-ями/-ми	-ами	-ями	-ами	-ами
В.	-ї	-ы	-ї	-ы	-ы

Коментарь к дакотрым падовым формам:

а) кедь в групі согласных перед флектівнов морфемов выступує **л, н** або **р**, та в генітиві ся зъявлять всувный гласный **е**: *гуслі/гусель, холошні/холошень, Татры/Татер* і т. д.;

б) кедь в сусїдстві согласных перед флектівнов морфемов послїднім є согласный **к**, та в генітиві перед тым согласным ся зъявлять всувный гласный **о**: *санкы/санок, ножычкы/ножычок, ногавкы/ногавок, тренїркы/тренїрок* і т. д.;

в) назывник двері в інштр. має двояку форму: *дверями/дверьми*;

г) векшына з тых назывників мають в лок. двояку форму **-ах, (-ях)/ -ох, (-ёх)**: *дверях/дверёх, санках/санкох, кліщах/клїщох* і т. д.;

д) вокатівна форма тых назывників ся рівнать формі номінативу

Якого роду буде називник **двері**? Мужского, або женьского? Флексії в генітиві плуралу нам вказують на тотожність з флексіями генітиву плуралу називників женьского роду третей деклінації взору **тїнь**, причім називник **двері** має в дативі і локалі дві форми флексії (друга форма флексії не є характерна про називник **тїнь**): -ям/-ім, -ях/-єх, а в інструменталі має ай другу – скорочену форму -ми: *дверьми*. Тогды про називник **двері** можемо встановити женьский род, што є уведжене ай в ортографічнім словнику.

При називниках **ножычкы** і **санкы** сі подля уведжених флексій можемо помочи взоровым називником – **школа** (женьский род) з першой деклінації. В називнику *школа* в генітиві плуралу є нулова флексія, а при називниках *ножычкы* і *санкы* меджі два консонанти -н- і -к- прибывають вставне -о-. Ліпше бы сьме, тоды, при творіню флексій називників *ножычкы* і *санкы* (і їм подобных) могли вивжыти подобны називники женьского роду, котрых корінь ся кончіть на збіг двох консонантів, з котрых другый є -к- і котры таксамо рядиме ід першій деклінації тіпу: *лавка*, *пушка*, *стежка*, або і демінутивы - *кулька*, *дынька*, *постілька*¹².... В кождім припадї, ай уведженим двом називникам: *ножычкы* і *санкы* можемо прирядити женьский род, як є то уведжене ай в ортографічнім словнику.

Женьский род, взор: **школа**/лавка

Н. **Школы**, лавкы, кулькы, **ножычкы**, **санкы**

Г. **Школ**, лавок, кулёк, **ножычок**, **санок**

Д. **Школам**, лавкам, кулькам, **ножычкам**, **санкам**

А. **Школы**, лавкы, кулькы, **ножычкы**, **санкы**

Л. **Школах**, лавках, кульках, **ножычках**, **санках**

І. **Школами**, лавками, кульками, **ножычками**, **санками**

В. **Школы**, лавкы, кулькы, **ножычкы**, **санкы**

Далшы два взоры про називники плуралія тантум, уведжени в таблічці – **гуслі** і **Татры**. Подля флексій, уведжених в таблічці дістаєме інформацію, же тоты називники можемо зарядити таксамо до першой деклінації мягкого тіпу – взор **земля** (плурал має

12 В коментарю ід єднотливим падам в першій деклінації мож было закомпоновати позначку, же в генітиві плуралу у називників, де є збіг двох консонантів прибывають вставне -о- (-ё-), -е- напр.: *лавка* - *лавок*, *кулька* - *кулёк*, *сестра* - *сестер*....

єднакы флексії), і твердого тіпу – взор **школа** также обидва будуть **женьского роду**. При взорі **Татры** ся але в генітиві обявлять вставне -е-, также ту бы сьме могли доповнити далшы подобны назывники женьского роду, подля котрых бы мож было склонёвати тот назывник. Суть то такы, в котрых таксамо настає збіг консонантів -тр-, напр. *сестра, ватра...*

Женьский род, взор **школа/сестра, земля**
 Н. **Школы, землі, сестры, Татры, гуслі**
 Г. **Школ, земель, сестер, Татер, гусель**
 Д. **Школам, землям, сестрам, Татрам, гусям**
 А. **Школы, землі, сестры, Татры, гуслі**
 Л. **Школах, землях, сестрах, Татрах, гусях**
 І. **Школами, землями, сестрами, Татрами, гусями**
 В. **Школы, землі, сестры, Татры, гуслі**

Про назывники плуралія тантум закончены на -а, як видно, не маєме відповідний взор. Таксамо не маєме відповідний взор про такы назывники як: *Здви́гы, кри́жы, груди́, промо́ції*..... Пропонуєме тогды із уже ествуючих взорів **ножычкы, санкы, двері, гуслі, Татры** вышмарити взор **ножычкы** (ёго флексії суть тотожны із взором твердого закончіня **школы – санкы, ножычкы**) і доповнити взоры про женьський род – про назывники твердого закончіня взор **груди** (як взор про женьський род мягкого закончіня **тінь – тїни/груди**) і взор **вакації** (як взор про женьський род мягкого закончіня **партія – партії/вакації**), про мужський род – **крижы, штынці**¹³ (як взор про мужський род твердого закончіня – **староста – старосты/крижы**, і мягкого закончіня – **судця – судці/штынці**)¹⁴, про середній род – взор **кросна** (ёго закончіня суть тотожны із взором **село – села/кросна**, а подобный назывник в середнім роді із вставним -е- в генітиві плуралу – **окно**).

13 Назывник *штынці* (одпад при поротю піря) є кваліфікований як громадний назывник, котрый не має форму сингулару (позначка в ортограф. словнику – гром., с. 511).

14 В русиньскім языку жывы назывники мужского біологічного роду (лем особы, не платить то про звірята) мають в номінативі плуралу закончіня -ове/-ёве, зато сьме зволили ай приклады (взоры) неживого назывника твердого закончіня – дуб і взор звіряти мягкого закончіня – кінь.

Женьський род, взор партія

Н. Партії, вакації

Г. Партій, вакацій

Д. Партіям, вакаціям

А. Партії, вакації

Л. Партіях, вакаціях

І. Партіями, вакаціями

В. Партії, вакації

Середній род, взор село/окно

Н. Села, окна, кросна

Г. Сел, окен, кросен

Д. Селам, окнам, кроснам

А. Села, окна, кросна

Л. Селах, окнах, кроснах

І. Селами, окнами, кроснами

В. Села, окна, кросна

Мужський род, взор староста, судця

Н. Старостове/дубы, судцёве/коні, крижы, штынці

Г. Старостів, судців, крижів, штынців

Д. Старостам/-ім, судцям/-ім, крижам/-ім, штыцям/-ім

А. Старостів, судців, крижы, шрынці

Л. Старостах/-ох, судцях/-ёх, крижах/-ох, штынцях/-ёх

І. Старостами, судцями, крижами, штынцями

В. Старостове/дубы, судцёве/коні, крижы, штынці

Также табличка взорів називників плуралія тантум бы могла мати дев'ять взорових називників:

Множне число /Plurale tantum							
Н.	Крижы, штынці	Груды, двері	Татры	гуслі	санкы	вакації	кросна
Г.	-ів, -їв/Ø ¹⁵	-ей	-ер	-ель	-ок	-ій	-ен
Д.	-ам, -ям/-ім	-ям/-ём	-ам	-ям	-ам	-ям	-ам
А.	як Н	як Н.	як Н.	як Н	як Н.	як Н	як Н
Л.	-ах/-ох, ях/-ёх	-ях/-ёх	-ах	-ях	-ах	-ях	-ах
І.	-ами, -ями	-ями/-ми	-ами	-ями	-ами	-ями	-ами
В.	-ы	-и, -ї	-ї	-ы	-ы	-ї	-а

15 Ряд називників плуралія тантум із флексіїв -ы має в генітиві сингулару нулову флексію, напр.: хрестины, народенины, заручіны...

Про лїпшый перегляд уведеме таблічку флексій єднотливых взорів назывників плуралія тантум про вшыткы три роды (першый стовпчик таблічки) із заряджінём к єднотливим взорам штирѣх деклінацій, котры маеме про назывники. Як видно із таблічки, четверта деклінація не є приряджена ниякому назывнику плуралія тантум, то значіть, назывники плуралія тантум в русиньскім языку мають флексії, котры одповідають першым трём деклінаціям.

Флексія, род	Деклінація, взор
-ы, -ї: крижы, штынци м	II. Стіл/кінь – столы/конї – столів/-їв – столам/-ям – столы/-ї столах/-ях – столами/-ями
-и, -ї: груди, двері ж	III. Тінь/ніч – тіни/ночі – тіней/-ей – тіням/-ам – тіни/ночі – тінях/-єх – тінями/-ми
-ы: Татры ж	I. Школа/сестра – школы – школ/сестер – школам – школы – школах – школами
-ї: гуслі ж	I. Земля – землі – земель – землям – землі – землях – землями
-ы: санкы ж	I. Школа/лавка – школ/лавок – школам – школы – школах – школами
-ї: вакації ж	I. Партія – партій – партіям – партії – партіях – партіями
-ї: кросна с	II. Село/окно – села – сел/окен – селам – села – селах – селами

Далшым проблемом, котрый настає при склонёваню назывників плуралія тантум, то є склонёваня сел, котры можеме розділити на дві ґрупы:

1. із флексієв **-ы** (*Розтокы, Вилагы, Бжаны...*);
2. із флексієв **-ів-(ц)ї** (*Маківці, Бенядиківці, Варіхівці, Гелцманівці...*).

Першу ґрупу можеме прирядити ід взору **Татры** (перша деклінація, тверде закончіня). При другій ґрупі сі поможеме мягкым взором: **гуслі** (перша деклінація, мягке закончіня). Друга ґрупа сел є шпеціфічна, бо в тых назвах сел настає алтернація і/о, котра є характерна про русиньскый язык¹⁶. У вшыткых тых селах ся в русиньскім языку алтернує (*Белейці*

16 Близше о алтернації о:і позерай: КОПОРОВА, К. (2018). К вопросу алтернатив і повноголося в русиньскім языку на Словакії/K voprosu alternacij i povnoholosia v rusynskim normativnim jazyku na Slovakiji. In: 20 rokov vysokoškolskej rusynistiky na Slovakiji : zbornyk referativ z medzinarodnoj nauknoy konferenciji. / Kvetoslava Koporová, Jozef Sipko, Peter Káša. - Prešov : Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, 2018, с. 122-138.

– до Беле́вець, Рафаї́вці – до Рафа́вець, Стеркі́вці – до Стерко́вець, Теле́нівці – до Телено́вець, Чабалі́вці – до Чабало́вець...)¹⁷.

Заключіня

Представили сьме общую характеристику назывників плуралія тантум в русиньскім языку. Вказали сьме як мож встановити род єднотливых назывників плуралія тантум, причім ся вказало, же найвеце назывників плуралія тантум є женського роду, мала часть з них є мужского і середнього роду. На основі закончінь сьме їх зарядили до конкретных взорів склонёваня подля флексій, причім сьме придали штири взоры – два про мужский род (флексія -ы, взор **крижы**, флексія -ї, взор **штынці**), єден про женський род (флексія -ї, взор **вакації**) а єден про середній род (флексія -а, взор **кросна**). Также про мужский род маєме взоры: **крижы**, **штынці**, про женський – шість взорів склонёваня: **груди**, **двері** (третья деклінація), **гуслі**, **Татры**, **санкы**, **вакації** (перша деклінація). Про середній род є єден взор: **кросна** (друга деклінація).

Интересный факт нам принесло склонёваня дакотрых властных назывників плуралія тантум в подобі назв сел, де (евідентно впливом меджіязыковой інтерференції із западным языковым ареалом) выходный модел назвы села (із вокалом **-і-** в запертім складі) в генітиві має подобу з алтернантом **-о-** в отворенім складі, в контексті завжываной традиції жытелів уведжених сел: *Маківці – до Маковець, Стеркі́вці – до Стерко́вець, Сташкі́вці – до Сташко́вець*, де в минулости дакотры вживателі норматівной подобы русиньского языка (евідентно під впливом українського языка, котрый ся учили в школі) хосновали неправилну форму (*до Маківців, до Стерківців, до Сташківців*)...

Уведжена статя, надієме ся, поможе вживателім норматівной подобы русиньского языка ліпше ся зорьєнтовати в правописі, а учітелім русиньского языка вкаже методіку, як дану проблематику высвітлити на годинах морфології.

17 Вынятком із правила алтернації в запертім складі є село *Гані́говці*, де жытелі села не высловлюють назву села із вокалом **-і-**. Дві села із списку (*Светлі́ці* і *Гостові́ці*) до группы з флексієв **-(ц)і** з алтернацієв в запертім складі не належать (бо склад з вокалом **-і-** не є в даных припадах запертый консонантом **-в-**), зато ай форма генітиву має нулову флексію: *до Светлі́ць, до Гостові́ць*.

ЛІТЕРАТУРА

BLANÁR, V. (1950). Kategória množného čísla. In: *Jazykovedný zborník Slovenskej akadémie vied a umení IV*. Bratislava: Slovenská akadémia vied a umení, s. 89 – 99.

JACKO, J. (1972). Rod pomnožných podstatných mien. In: *Kultúra slova* č. 6, s. 216 – 219.

KUŠNÍR, P. (1972). O určovaní gramatického rodu a skloňovacieho typu pomnožných substantív. In: *Slovenský jazyk a literatúra v škole* č. 18, s. 206 – 208.

MIKO, F. (1962). *Rod, číslo a pád podstatných mien*. Bratislava: Vydavateľstvo SAV, 256 s.

ПЛІШКОВА, А. – ЯБУР, В. – КОПОРОВА, К. (2019). *Русинський язык. Комплексний опис мовної системи в контексті кодифікації*. Пряшів: Видавельство Пряшівської університету. ISBN 978-80-555-2243-2, 476 с.

ПЛІШКОВА, А. – ЯБУР, В. – КОПОРОВА, К. (2019). *Правила русинського правопису з орфографічним і граматичним словником*. Пряшів: Видавельство Пряшівської університету. ISBN 978-80-555-2323-1, 544 с.

ЯБУР, В. – КОПОРОВА, К. – ПЛІШКОВА, А. (2016). *Морфологія і словотворіння русинського мови. Вищошкільський підручник*. Пряшів: Пряшівська універсіта – Центр мов і культур народностних меншин – Інститут русинського мови і культури. ISBN 978-80-555-1691-2, 187 с.

PhDr. Kvetoslava Koporová, PhD.
Prešovská univerzita v Prešove
Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín
Ústav rusínskeho jazyka a kultúry
ul.17. novembra 15
080 01 Prešov
Slovakia

kvetoslava.koporova@unipo.sk

МНОГОЗНАЧНЫЕ НАЗВАНИЯ ДОМАШНИХ ПТИЦ В КАРПАТОРУСИНСКИХ ГОВОРАХ

Дарья ВАШИЧКОВА

Abstract

The article deals with multivalent dialect words in Carpatho-Rusyn dialects possessing “a barn-door fowl” as a central meaning. These multivalent lexemes are found in Carpatho-Rusyn dialects simultaneously and the motivation of their origin is not always clear. An attempt to classify the above mentioned multivalent lexical units into polysemes and homonyms is made in this article. The difference in the development of multivalent dialect words in Carpatho-Rusyn dialects on the Slovak and Ukrainian areas is also traced in the paper.

Key words: Multivalent word, homonymy, polysemy, homonym, interference, Carpatho-Rusyn dialect.

Введение

В настоящее время, когда ведется активная работа по составлению электронной лексической базы южнокарпатских говоров, становится очевидно, как важно выделять в отдельную область диалектные лексикологию и лексикографию. Это научное направление, несомненно, требует иных подходов и, возможно, дополнительного терминологического аппарата по сравнению с лексикографией литературных языков. Особенно много проблем появляется при описании многозначных диалектизмов, во время которого возникает некоторая сложность использования общепринятой терминологии. Так, например, при рассмотрении многозначных слов, зафиксированных в разных диалектах одного языка, ставится вопрос об их классификации. И, возможно, если в рамках одной языковой системы они могут быть описаны как полисеманты, то в рамках изолированных диалектных систем – как омонимы. Кроме того, имея в виду отсутствие единой общепринятой кодификации некоторых языков и запись разными алфавитами в источниках, мы можем сравнивать только звуковой облик лексем, а не их графическое начертание; такая же ситуация возни-

кает в случае сравнения родственных лексем в разных славянских языках. На это указывает К. Копорова в статье о межъязыковой омонимии: «заміряєме ся на лексему, котра в єднакій, або скоро єднакій звуковій подобі, але не все в графічній, бо суть ту два графічні системи – азбука (русиньський і український язык) і латиніка (словацький язык) є хоснована в русиньскім, українськім і словацькім языку і на єй тлумачіня в конкретнім текстї з єдного до другого (припадно третєго) языка» (Копорова 2013, с. 164).

Разные лингвистические школы пытались найти подход к проблеме многозначного слова. В данной статье мы будем придерживаться терминов О. С. Ахмановой (1966), которая трактует полисемию как «наличие у одного и того же слова ... нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» (Ахманова 1966, с. 323), а омонимию – как «звуковое совпадение двух или более разных языковых единиц (там же, с. 275).

Несимметричность литературной и диалектной систем как нельзя лучше иллюстрируется ситуацией вокруг многозначных лексем. Как правило, в диалектах чаще представлена полисемия. В. Ермакова так писала об этом: «значэнняў гэтага тыпу можа быць тры, пяць або дзесяць, або справа не ў тым, што іх ў слове многа, а ў тым, што іх можна быць неабмежаваная колькасць, па меры неабходнасці яны могуць дабаўляцца, і запас словаўтваральнай энергіі ўтвараючага пры гэтым не вычэрпваецца». (Цит. по: Злобин 1982, с. 24). Следуя выражению исследовательницы, можно подтвердить, что «словообразовательная энергия» диалектов, как правило, намного сильнее и не стеснена рамками нормы. Что касается омонимов, то, как правило, диалектные слова редко пополняют списки омонимов в литературном языке, а если и проникают в него, то как узкоспециальные термины. Диалекты же испытывают влияние не только говоров соседствующих языков (так наз. горизонтальное влияние), но и, как правило, влияние доминирующего литературного языка (так наз. вертикальное влияние). Л. И. Злобин так описывает эту ситуацию: «у дыялектнай мове яны ўзнікаюць і функцыяніруюць незалежна ад адпаведных амонімаў літаратурнай мовы, якія ствараюцца на базе ўласных лексічных сродкаў або з'яўляюцца запазычанамі з іншых моў» (Злобин 1978,

с. 49). В данной статье мы постараемся проследить пути возникновения многозначных слов в карпаторусинских говорах и классифицировать их.

Основным материалом для статьи послужила База данных южнокарпатских говоров по материалам И. А. Панкевича, насчитывающая 116 000 карточек с записями лексем для словаря русинских говоров Словакии и Закарпатья, а также анклавных говоров на территории Румынии. С 2010 года ведется работа по оцифровке этой Базы данных и создания на ее основе единой электронной системы для издания русинского диалектного словаря (Vašíček 2017, с. 78–79). Кроме того, были привлечены данные «Атласа украинского языка» (далее – АУМ), диалектных атласов, составленных И. Дзендзелевским (далее – ЛАУГ) , В. Латтой (далее – АУГСС), З. Ганудель (далее – ЛАУГСС), Я. Ригером (далее – Rieger 1996), а также «Общекарпатского диалектологического атласа» (далее – ОКДА) и «Общеславянского лингвистического атласа» (далее – ОЛА). Автор также использовал материалы «Толкового словаря венгерского языка» (далее – МТ), «Этимологического словаря украинского языка» (далее – ЕСУМ), «Словаря словацких говоров» (далее – SSN) , а также диалектных словарей бойковских и мараморошских говоров, составленных М. Онишкевичем и И. Сабадошем.

Ниже мы рассмотрим многозначные диалектные субстантивы, одним из значений которых является «домашняя птица».

Гусарь, м.р. 1. гусь. 2. гусар. 3. пастух гусей

Лексема *гусарь* многократно фиксируется в карпаторусинских говорах, причем основным ее значением на территории Словакии является «гусь, Anser (лат.)». В этом значении она присутствует в говорах сел Якубяны, Орябина, Нижние Репашы, Дара (упразднено), Рунина, Белая, Валашковце (упразднено), Камюнка, Пчолине, Вырава, Красный Брод, Суков, Токайик, Гавай, Бжаны и в районе Межилаборцы. Следует заметить, что в том же значении оно отмечается и в некоторых словацких говорах. В селах Вышний Орлик, Варадка и Збой она фиксируется в значении «гусар, кавалерист в австро-венгерской армии». В том же значении она отмечена и на Закарпатье в сёлах Мокрая и Великая Копаня. В закарпатских сёлах Лавки и Чинадиево Мукачевского района оно присутствует в

значении «пастух гусей». Если в случае значений «гусь» и «пастух гусей» прослеживается общая сема, то значение «гусар» является заимствованным из венгерского языка, в котором оно также многозначно и означает и «двадцатый», и «гусар», то есть первоначально оно означало каждого двадцатого новобранца, который призывался не в пехоту, а в кавалерию (МТ I, с.913). Таким образом, к многозначности лексемы *гусарь* имеет отношение как горизонтальное влияние соседних диалектов, так и вертикальное влияние литературного языка. В общем контексте карпаторусинских говоров этот диалектный субстантив может рассматриваться как обладающий междиалектной омонимией.

Гуска, ж.р. 1. гусыня 2. вечер перед свадьбой (pl.tantum)

Диалектизм *гуска* интересен тем, что в некоторых карпаторусинских говорах он присутствует только в форме Pluralia tantum. Кроме того, его значения резко различаются на словацкой и украинской территориях бытования карпаторусинских говоров. В русинских селах в Словакии единственным зафиксированным на данный момент значением лексемы *гуска* является «самка гуся, гусыня, Anser (лат.)»; это села Варадка, Дара (упразднено), Брусница, Вышний Орлик, Чабаловцы и район Межилаборцы. Самым восточным пунктом, в котором зафиксировано это значение, является село Баранинцы Ужгородского района Закарпатья. От него на юго-восток расположились села, в которых субстантив *гуска* зафиксирован в форме Pluralia tantum в значении ритуалов. Так, в селах Чинадиево, Горбки, Сокирница, Теребля *гускы* означает «девичник» или «мальчишник», «вечер перед свадьбой» (БД, Сабадош 2008, с. 54). В Чинадиево было записано также пояснение к названию: «вечір перед весіллям (бо тоді гудуть)» (БД), Сабадош приводит единственное значение «Дивіч-вечір» (Сабадош 2008, с. 54). В словацких, венгерских и украинских говорах, окружающих карпаторусинские, находим другие значения лексемы *гуска*, которые не были, по-видимому, заимствованы в карпаторусинские. Значение «гусыня» зафиксировано также в «Словаре словацких говоров» (SSN I, с. 664). По всей видимости, так как *гускы* в значении «гусыни» и в значении «ритуальное действие перед свадьбой» имеют разные производные основы, в

случае этой лексемы мы также сталкиваемся со случаем междиалектной омонимии.

Качка, ж.р. 1. утка 2. косовище 3. часть ткацкого станка 4. часть изголовья кровати 5. часть веялки 6. мужская прическа; прядь волос

Субстантив *качка*, встречающийся на всей территории распространения карпаторусинских говоров, представляет собой многозначное слово с разветвленной сетью значений или лексико-семантических вариантов. «Утка» является основным значением лексемы, распространенным на всей территории карпатского ареала в русинских и словацких говорах. В Базе данных по материалам И.Панькевича оно помечено как зафиксированное «повсеместно», также его как единственное у данной лексемы приводят «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА, LS 2, к № 22) и «Этимологический словарь украинского языка» (ЕСУМ 2, 409). Среди прочих значений лексемы *качка* в значении «утка» приводят его Онишкевич в «Словаре бойковских говоров» (Онишкевич 1984, I, 344) и «Словарь словацких говоров» (SSN, I, 732). В Базе данных по материалам И. Панькевича *качка* записана также в значении «косовище, рукоятка косы» (Корытняны, Ужгородский р-н Закарпатья). Примечательно, что лексему в том же узколокальном значении позже фиксировал Дзендзелевский только на ограниченной территории Ужгородского р-на Закарпатья (Корытняны, Горяны, Великие Лазы, Долгое Поле). Вероятно, что мотивацией для такого названия косовища послужила его форма, напоминающая птицу с длинным клювом. Возможно, та же мотивация присутствует в говорах, где *качка* означает также часть ткацкого станка (Мукачево, Хуст, Нижний Студеный) (БД); Дзендзелевский уточняет, что *качкой* в этих и соседних населенных пунктах называлась одна из катушек сновальницы (ЛАУГ III, к № 418) (сёла Оноковцы, Ореховица, Стрыпа Ужгородского р-на, повсеместно в Хустском и Мукачевском районе Закарпатья, бассейн рек Тиса, Тересва и Тересва). Примечательно, что, хотя это значение зафиксировано в русинских говорах только на территории Закарпатья, оно также находится в словацких говорах: «Kačka. 4. západka do ozubeného kola na dolnom návoji krosien» (SSN I, 732). В закарпатском селе

Нижний Студеный, как и в Воловце, этот диалектизм также имеет значение «часть веялки» (БД). В селе Люта фиксируется узко-локальное значение «часть изголовья кровати» (БД). Вероятно, все эти значения – часть косы, ткацкого станка, веялки и кровати – мотивированы подобием форм деталей, перекрещивающихся под прямым углом, форме птицы с длинным клювом или шеей. На словацкой территории распространения русинских говоров лексема *качка* фиксируется также в значении «мужская прическа, прядь волос, вихор» (Завадка, Порац, Ольшавица) (АУГСС 332). Вероятно, в названии проявилось сходство пряди волос с длинными перьями на голове у некоторых видов утки. Многие лексико-семантические варианты этого диалектизма фиксируются в бойковских и словацких говорах, но не получили распространения в соседствующих с ними карпаторусинских. В целом, рассматривая мотивацию и этимологию данного слова, мы можем констатировать, что это диалектный полисемант с несколькими интегральными признаками: 1) утка – часть орудия труда (признак – форма длинноклювой птицы), 2) утка – прическа (признак – отдельные длинные пряди или перья на голове). Вторичные значения полисеманта резко распределены по разные стороны границы между Словакией и Украиной, однако доминантным значением на обеих территориях бытования лексемы остается «утка».

Кáчур/качúр/кашю́р, м.р. 1. селезень 2. щука 3. женская прическа (pl. tantum)

По сравнению с лексемой *качка*, картография значений диалектизма *кáчур/качúр/кашю́р* далеко не так разнообразна. Отметим, что на всей территории карпатского ареала русинских говоров он бытует в значении «самец утки, селезень». Панкевич приводит еще два значения. Одно из них, «щука» (*Exos Lucius*) было записано в селе Ильница в Закарпатье. Лексему в том же значении находим только в венгерском языке, где оно означает «рыба» (МТ I, с. 1006). Сложно сказать, чем было мотивировано это название щуки, но можно предположить, что оно было продиктовано схожестью формы клюва селезня с плоской мордой щуки. В форме *Pluralia tantum* *качúры* диалектизм отмечен в говоре Веряцы и означает женскую прическу: «прическа у дівчини на чолі скручена» (БД). Вероятно,

имеется в виду старинная женская прическа в виде разделенных на прямой пробор волос, закрученных валиком. Мотивация происхождения этого значения требует дальнейшего уточнения.

Квочка/кўочка/клочка, ж.р. 1. курица, которая водит цыплят 2. курица-наседка 3. вид грибов 4. созвездие Плеяды

Схожей географией лексико-семантических вариантов обладает диалектное «квочка» и его фонетические варианты «клочка» и «кўочка». Эта лексема имеет широкое распространение на Закарпатье. Основным его значением является «курица, которая водит цыплят». Составители ЭССЯ предполагают, что праславянское *kvočka («курица-наседка») было образовано от звукоподражательного глагола *kvokati – «кудахтать» (ЭССЯ вып. 13, с. 168). По данным ЛАУГ, в этом значении диалектизм фиксируется на всем Закарпатье к западу от реки Река. Для карпаторусинских говоров в целом характерно семантическое неразличение лексем *клока* и *клочка*, однако Дзендзелевский указывает на то, что в селе Широкий Луг (Тячевский р-н, Закарпатье) «*клóч'ка* – коли така курка ще починає лише квоктати і коли сидить на яйцях, а *клока* – коли уже висиділа і водить курчат» (ЛАУГ I, к. № 86). В единственном значении «clucking hen» («наседка») находим эту лексему в гуцульских говорах (Rieger 1996, к. № 117), бойковских (Онишкевич 1984, 1, с. 346), словацких (SSN I, с. 926), украинских (ЕСУМ 2, с. 418), марамо-рошских (Сабадош 2008, с. 144), карпаторусинских говорах Словакии (АУГСС, 164 НМ). В опубликованных лексико-семантических материалах ОЛА также находим этот диалектизм, записанный в одних и тех же русинских пунктах в значениях «курица, которая высиживает яйца» (ОЛА, серия ЛС, вып. 2, L 292, к. № 18) и «курица, которая водит цыплят» (ОЛА, серия ЛС, вып. 2, L 293, к. № 18а). Тем интереснее, что в Базе данных южнокарпатских говоров по материалам И. А. Панкевича мы находим указание на два пункта в Закарпатье, в которых данная лексема была записана сразу в трех значениях. Помимо значения «курица-наседка» в селах Мирча и Свалява фиксируются значения «грибы» и «звезды». Чтобы разобраться в мотивации названий, обратим внимание на другие славянские языки. О виде грибов сказано, что это «*рід грибів як корч, як глива*» (БД). В данном случае мы можем только предположить,

что речь идет о некоем виде древесных грибов, вероятно, напоминающих формой курицу или часть ее тела. Что же касается звезд, то и в украинском, и в словацком языках находим диалектные названия созвездия Плеяды – Квочка и Kuriatka соответственно, которые обусловлены древним общемировым мифом о наседке и шести цыплятах, которых напоминало созвездие (Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.). В случае этой лексемы, скорее всего, мы имеем дело с далеко разошедшейся внутридиалектной полисемией.

Когут/кугут, м.р. 1. петух 2. верхняя часть печной трубы 3. часть плуга 4. волокита

Лексема *когут* фиксируется на всей территории бытования карпаторусинских говоров и основным ее значением является «петух». Такие данные приводят диалектные атласы украинского языка, атласы Латты и Дзендзелевского, словари бойковских и словацких говоров, База данных южнокарпатских говоров по материалам И. Панкевича. Повсеместно встречается соотношение пения этих птиц с временем суток: *«коли другий або третій раз співали когуты, та уже газда вставав»* (запись в селе Яроч; БД). ЭССЯ (Этимологический словарь славянских языков) считает праславянское **kogutъ* родственным **kokošъ* и **kokotъ* и возводит их происхождение к глаголу **kokotati/*kokъtati*, означающим «кудахтать» и являющимся звукоподражательным (ЭССЯ вып.10, с. 107, с. 115, с. 117). В русинском селе на территории Словакии (Страняны) лексема отмечена также в значении «верхняя часть печной трубы», это же значение находим и в западных словацких говорах. В закарпатском селе Терембля записано значение «часть плуга»: *«загнене зелізо на верху гряд'іля, що регулює леміш плуга»* (БД). В западнословацких говорах находим параллель: *«časť oja, držiak, na ktorý sa upevňujú jarmá»* (SSN I, 796). По всей видимости, этот лексико-семантический вариант лексемы обусловлен сходством этой детали с головой птицы. Повсеместно на Закарпатье отмечается также переносное значение этой лексемы – «женолюб, волокита» (ЛАЗО III, с. 402, Сабадош 2008, с. 146). В бойковских и словацких говорах фиксируются и другие значения лексемы, не отмеченные в карпаторусинских.

Козуткы́/козуткѣ́/козутки́/козутики́, м.р. 1. петух (дем., мн.ч.) 2. серьги 3. полевое растение (pl. tantum) 4. семена ясеня и клена

Лексема *козуткы́/козуткѣ́/козутки́/козутики́* на большей территории распространения южнокарпатских говоров является деминутивом от *козут* и означает «небольшой петух, петушок». Как и *козут*, оно является широко распространенным именно в этом значении. В ОКДА на карте, составленной Я. Ригером для обозначения лексем со значением «серьги», отмечаются фонетические варианты диалектизмы *козутки* в некоторых гуцульских говорах, а также на севере Закарпатья в сёлах Нижние Ворота (*ko'hutka* – ед.ч.), Синевирская Поляна (*kou'tok*), Ясиня (*kou't'k'e*), Нижний Быстрый (*kou'tky*), Дубовое (*ko'hutky*). В значении «серьги» слово также бытует в диалектах украинского языка (ЕСУМ 2, 489). В Базе данных южнокарпатских говоров обнаруживается значительно большее разнообразие лексико-семантических вариантов этой лексемы, главным образом представленное на Закарпатье. В значении «серьги» оно встречается крайне часто, о чем свидетельствуют записи в селах Буштыно, Теремля, Веряця, Келечин, Вербяж, Чумалево. Мотивация названия неясна; в одной из записей имеется указание на то, что серьги были круглой формы (Келечин), в другой, - что «до волоса коло уха причіпляють лелютчасті козутки» (Теремля). В свою очередь, диалектизм *лелютка/лелітка*, скорее всего, обозначает плоское блестящее металлическое украшение круглой формы: «медаль» в Воловце и Люте (БД), «колечко» в Верхний Воротах (БД), «блискуча бляшка для прикраси» (Онишкевич 1984, 1 с. 407). И в спишских говорах Словакии, и в мароморошских, боржавских и верховинских говорах Закарпатья диалектизм *козутки* и его словообразовательный вариант *козутики* фиксируется в значении «полевое растение». Эта лексема в Верхнем Студеном означает сердцевидный (*Dicentra spectabilis*), в Новоселице (Воловецкий р-н) – купену многоцветковую (*Polygonatum multiflorum*), в Росшке – ландыш майский (*Convallaria majalis*), в Нехваловой Полянке – «весеннее растение», в Ломне – «полевые цветы» (БД), в Иршаве – «цветы с цветком в форме сердца» (БД). Общим признаком для всех определяемых растений является длинный сте-

бель, на котором в ряд расположены мелкие цветы. Возможно, мотивацией названия послужила манера петухов и кур сидеть на насесте, возможно – способ следования цыплят за наседкой. Более вероятной мотивацией названия нам представляется то, что изогнутые стебли растений могут также напоминать петушиный хвост. М. Чижмарова, описывая мотивации названий растений в карпаторусинских говорах Восточной Словакии, приводит примеры других растений, где общей семой для номинации является цвет петушиного гребня: «zriedkavo medzi ľudovými názvami rastlín stretávame pomenvania motivované zafarbením, ktoré sa zhoduje so zafarbením živočíchov alebo ich častí. Ako príklad môžeme uviesť botanické názvy odvodené od základového slova kohút: ko'hutyky Tk... ko'hutyk Sr... ko'hutyk Rd... ko'hutyky NP, Pi, Va, kohu'tyky Bi, Ke, kohu'ciki Sl, kohu'ciky Kv... Zafarbenie niektorých kvetov uvedených rastlín (Saponaria, Symphytum, Digitalis) je rovnaké ako zafarbenie hrebeňa kohútov» (Čižmárová 2017, s. 74). В двух закарпатских селах, помимо обозначения полевых растений, лексема *когутки* записана в значениях «плоды ясеня» (Верхний Студеный) и «плоды ясеня, клену, явора» (Бедевля). Таким образом, в случае этого диалектизма, не имея возможности установить точную мотивацию значения «серьги», мы не можем отнести его к полисемантам или омонимам.

Заключение

На основе анализа приведенных выше диалектных карпаторусинских лексем можно сделать выводы о том, насколько по-разному развивались многозначные слова с основным значением «вид домашней птицы». Мотивация развития второстепенных значений подчас остается непрозрачной. Иногда лексико-семантические варианты данных диалектизмов параллельно развивались в говорах соседних славянских языков, что находит подтверждение в атласах и словарях; в других случаях очевидно, что развитие семантики протекало на собственно карпаторусинской языковой почве.

В статье подверглись анализу семь диалектизмов: *гусарь, гуска, качка, качур, квочка, когут, когутки*, а также их фонетические и словообразовательные варианты. Эти многозначные названия

домашних птиц были отнесены к междиалектным и внутридиалектным омонимам и полисемантам. В редких случаях установлено влияние межъязыковой лексической интерференции на развитие значений диалектизмов.

Еще один подход к исследуемым лексемам предполагает их классификацию по мотивации (полисеманты) или совпадению (омонимы) с названиями объектов растительного и животного мира, астрономических объектов, орудий труда, предметов быта, частей тела человека, названиями профессий, объектами народной мифологии и духовной культуры. Наиболее многочисленную группу составили совпадающие с названиями домашних птиц названия орудий труда и их частей, самую малочисленную – объекты животного мира. Многие значения, присутствующие в говорах других славянских языков карпатского ареала, не зафиксированы в карпаторусинских, что указывает на собственную историю и логику развития последних.

Эти выводы приводят нас к заключению о необходимости продолжения исследований в области карпаторусинской диалектной лексики, связанной с фауной.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

АХМАНОВА, О. С. (1966). *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия.

АУМ – *Атлас української мови: у 3 т.* (1984 – 2001). Київ: Наукова думка.

АУГСС – *Атлас українських говорів Східної Словаччини*. (1991). Братіслава – Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі, відділ української літератури в Пряшеві.

БЕРЕЗКИН, Ю. Е. Дувакин Е.Н. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/intro.html>

БД – *База данных южнокарпатских говоров по материалам И.А. Панькевича. Slovanský Ústav AV ČR, v.v.i.*

VÁŠÍČEK, M. (2017). *Prameny lexikální databáze z nářečních materiálů I. Paňkevče*. In: *Moderní slovanská lexikografie*. Praha: Slovanský ústav

AV ČR, v. v. i., s. 77–89.

MT – *Magyar Tájszótár*. (1893-1896). Budapest: Hornyánsky Viktor Kiadása.

ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови: у 7 т.* (1982 – 2012). Київ: Наукова думка.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков*. (1974). Москва: Наука, по н. вр.

ЗЛОБІН, Л. І. (1978). Узнікненне амонімаў у дыялектнай мове. In: *Беларуская мова*. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна, вып. 6, с. 43 – 49.

ЗЛОБІН, Л. І. (1982). Развіццё семантыкі вытворнага мнагазначнага назоўніка. In: *Беларуская мова*. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна, вып. 10, с. 23 – 31.

КОПОРОВА, К. (2013). Міджіязыкова омонімія в славянських языках (русиньско-словенсько-українськы лексікальны паралелы). In: *Studium Carpato-Ruthenorum 2013*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, s. 163–171.

ЛАУГ – Дзендзелівський Й. О. (1958 – 1993). *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР: у 3 т.* Ужгород: Ужгородський державний університет.

ЛАУГСС – Латта, В. (1981–2010). *Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

ОКДА – *Общезакарпатский диалектологический атлас* (1994). Вып. 2, Москва.

ОЛА – *Общеславянский лингвистический атлас*. (1988), (по н. вр).

ОНИШКЕВИЧ, М. Й. (1984). *Словник бойківських говірок*. Київ: Наукова думка.

RIEGER, J. A. (1996). *Lexical Atlas of the Hutsul Dialects of the Ukrainian Language*. Harvard: Harvard University Press.

САБАДОШ, І. (2008). *Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району*. Ужгород: Ліра.

SSN – *Slovník slovenských nářečí*. (1994–2006). Bratislava: Veda.

ČIŽMÁROVÁ, M. (2017). *Nominačné modely v botanickom názvosloví*.
Prešov: Filozofická fakulta PU v Prešove.

Mgr. Darja Vašíčková
Univerzita Karlova
Filozofická fakulta
Ústav východoeurópskych štúdií
Nam. Jana Palacha 1/2
110 00 Praha 1
Česká republika

darja-vasicek@seznam.cz

VYSTÁHOVALECTVO RUSÍNŮV NA PRELOME 19. A 20. STOROČIA

Radka ONDERKOVÁ

Abstract

Carpatho-Rusyns live in the center of Europe and they have never had their own state. Their homeland – Carpathian Rus', is situated at the crossroads borders of Ukraine, Poland and Slovakia. Rusyn territory are Lemko Region in Poland, the Prešov Region in Slovakia, Subcarpathian Rus' in Ukraine, and Maramure in Romania. There are a few compact Rusyn settlements in present-day northeastern Hungary and in the Vojvodina region of Serbia. Communities of Rusyn immigrants and their descendants are found in the Czech Republic, Canada and United States. The oldest immigration community of Rusyns is in Vojvodina region, where they started to settle in 18th century. The most important immigration community of Rusyns is in USA. American Rusyns in the 20th century are responsible for the annexation of Subcarpathian Rus to Czechoslovakia.

Key words: Rusyns/Ruthenians. Migration. Austro-Hungary. USA. Vojvodina.

Politická situácia v Uhorsku bola na konci 19. storočia nestabilná. I napriek priemyselnému rozvoju patrilo Uhorsko v období dualizmu medzi agrárne krajiny. Väčšina obyvateľstva sa zaoberala poľnohospodárstvom, no pôda, ktorej bolo málo pri zaostalom spôsobe výroby nestačila uživiť mnohopočetnú rodinu. Na východnom Slovensku boli rozvinuté niektoré odvetvia priemyslu, ako baníctvo a hutníctvo na Spiši a v Above a liehovary na Zemplíne a v Šariši. Celkovo však bol priemysel v tejto oblasti málo vyvinutý.¹ Napriek tomu, že výdavky obyvateľov stúpali, ich príjem sa nezvyšoval a tak sa stúpajúce daňové bremená a poplatky rôzneho charakteru stali bezprostredným popudom k vysťahovalectvu.² Medzi najčastejšie príčiny vysťahovalectva patrila zlá ekonomická situácia, hospodárska kríza, nedostatok pracovných miest, pomaly rozvíjajúci sa priemysel, nízke mzdy, chudoba. Emigrácia sa týkala najmä mužov v produktívnom veku.

1 TAJTÁK, L. 1961. Východoslovenské vysťahovalectvo do prvej svetovej vojny. In *Nové obzory*. Roč. 3, č. 1, s. 225-226.

2 TAJTÁK, L. 1961. Východoslovenské vysťahovalectvo do prvej svetovej vojny. In *Nové obzory*. Roč. 3, č. 1, s. 229.

Migrácia v rámci Habsburskej monarchie prerástla do emigrácie, ktorá smerovala najmä do Spojených štátov amerických. K masovému vysťahovalectvu do USA došlo po roku 1867, no hlavne po hospodárskej kríze v roku 1873 a zastavené bolo až obmedzeniami zo strany Spojených štátov v roku 1921, tzv. Johnson Act³. Podľa amerických štatistík sa z Uhorska do USA vysťahovalo v rokoch 1871-1880 až 19 000 obyvateľov. Medzi prvými, ktorí územie Uhorska opustili, boli obyvatelia z územia východného Slovenska, najmä zo Zemplína, Abova, Spiša či Šariša.⁴ Tieto oblasti patrili medzi poľnohospodársky veľmi zaostané územie monarchie.

1. Karpatskí Rusíni

Karpatskí Rusíni – etnikum žijúce na svahoch južných a severných Karpát v samom srdci Európy. Domov karpatských Rusínov, známy pod pojmom Karpatská Rus leží na križovatke hraníc Ukrajiny, Slovenska a Poľska. Okrem týchto štátov menšiu časť Rusínov nájdeme v okolí Marmaroša v Rumunsku, v Maďarsku a Srbsku. Podľa štatistiky žilo na prelome 19. a 20. storočia v Uhorskej časti monarchie 424 774 Rusínov, čo predstavovalo 2,5% z celkového počtu obyvateľov. Ich počet však rokmi stúpol, no napriek tomu ostávali najmenej početným etnikom Uhorska.⁵ Zlá ekonomická situácia, bieda, hlad, národnostný a politický útlak spôsobili, že medzi rokmi 1880 až 1914 sa z územia Uhorska vysťahovalo do USA približne 225 000 Rusínov.⁶ Tí sa usádzali najmä v Pensylvánii, New Yorku a New Jersey. Migrovali tiež do Kanady, Austrálie a Argentíny. V USA obývali najmä priemyselné oblasti, kde pracovali v oceliarniach, uhľových baniach, baniach na striebro, zlato, olovo i med'. Najväčší počet emigrantov pochádzal z južnej Haliče a severovýchodného Uhorska, kde boli niektoré dediny takmer vyludnené a uhorská vláda sa preto snažila emigráciu zastaviť, čo sa jej však nepodarilo.

3 Johnson Act určoval systém národných kvót, ktoré určovali, aké percento z počtu prisťahovalcov môže prísť do USA. Tento zákon obmedzil ročný počet imigrantov na 3% podľa sčítania ľudu z roku 1910. Stanovoval limit pre európskych prisťahovalcov na 350 000. Po jeho vypršaní bol prijatý Johnson-Reed Act, ktorý bol prísnejší a stanovil kvóty na 2% zo sčítania v roku 1890. Dostupné na: https://hr2.wiki/wiki/Emergency_Quota_Act

4 MRVA, I. 2010. *Slovensko a Slováci v 2. polovici 19. storočia*. Bratislava: Perfekt. s.158.

5 Magyar statisztikai közlemények. A magyar szent korona országainak 1900 évi népszámlálása. 1.kötet, első rész, Budapest, 1902, s.5. Dostupné na http://konyvtar.ksh.hu/index.php?s=kb_statistika.

6 MAGOCSI, P. R. 2007. *Národ znikadial'*. Prešov: Rusín a ľudové noviny. s.10.

2. Vojvodina – najstaršia imigrantská komunita

Rusíni, usilujúci sa o zlepšenie svojej ekonomickej situácie, sa v rámci monarchie sťahovali najmä do južných oblastí Uhorska. Okrem sezónnej migrácie, ktorá viedla k zlepšeniu ekonomickej úrovne obyvateľstva, sa často stávalo, že sa poniektorí rozhodli v týchto oblastiach usadiť na trvalo. Najčastejšie sa usádzali v oblasti Slavónska (Sriem), v severných oblastiach Bosny, či v Banáte, no najviac sa ich usadilo vo Vojvodinskom regióne Báčka. V 18. storočí prišli na územie neskôr pomenované Báčsko-bodrocká župa, kde sa usadili najmä v Kucure a Ruskom Kerestúre.⁷ Podľa štatistiky v roku 1910 predstavoval počet Rusínov vo vojvodinských a sriemskych komunitách 15 000.⁸ Keďže sa usádzali najmä v menších dedinách a tlak maďarizácie tu nebol taký ako vo veľkých mestách (Prešov, Užhorod), bol v obecných školách vo Vojvodine vyučovacím jazykom vojvodinský variant rusínskeho dialektu.⁹ Po prvej svetovej vojne začali zakladať prvé kultúrne spolky, vydávať knihy a noviny. V roku 1923 bola vytvorená spisovná norma vojvodinsko-rusínskeho jazyka, o ktorú sa zaslúžil Gabor Kostelník.¹⁰

3. Rusíni v USA

Ťažké sociálne podmienky, nedostatok pracovných príležitostí a národnostný útlak spôsobili, že v druhej polovici 19. storočia sa mnoho obyvateľov vtedajšieho Uhorska odsťahovalo za prácou a lepším životom do USA. Netrvalo dlho a vysťahovalectvo do USA nabralo masový charakter. Emigrantov z Uhorska štatistiky prvýkrát uvádzajú až v roku 1861, kedy sa z územia vysťahovalo 51 osôb do USA. Do roku 1910 z Rakúsko-Uhorska do USA emigrovalo 3 172 461 osôb. Prvým americkým oficiálnym imigračným centrom, ktoré fungovalo od 03.08.1855 do 18.04.1890 bol Castel Garden. Od roku 1890 do roku 1892 bolo prijímacie stredisko presunuté do U.S. Barge Office, kým nebol otvorený Ellis Island. Nasledujúcich 62 rokov prešlo bránami Ellis Island viac ako 12 miliónov imigrantov.¹¹

Do konca 19. storočia sa v štatistikách neuvádzala národnosť mig-

7 MAGOCSI, P. R. 2016. *Chrbtom k horám*. Prešov: Universum. s.189-191.

8 Magyar statisztikai közlemények. A magyar szent korona országainak 1910 évi népszámlálása.

9 MAGOCSI, P. R. 2016. *Chrbtom k horám*. Prešov: Universum. s.192.

10 MAGOCSI, P. R. 2007. *Národ znikadial'*. Prešov: Rusín a ľudové noviny. s.81.

11 <https://www.statueofliberty.org/ellis-island/overview-history/>

rantov, ale iba štát, z ktorého daný migrujúci pochádzal. Preto v uvedených štatistikách nenájdeme informáciu o tom, koľko migrantov bolo rusínskej národnosti. Avšak od roku 1899 štatistiky začali uvádzať aj národnosť migrujúcich. Rusínov uvádzali pod názvom Ruthenian (Rusniak). Na americkej strane boli tieto štatistiky veľmi podrobné. Uvádzal sa v nich celkový počet migrujúcich, počet žien, mužov, počet osôb v rozmedzí 0 – 14 rokov, 14 – 45 rokov, 45 rokov a viac. Taktiež uvádzali aj počet negramotných imigrantov, tých ktorí nevedeli čítať a písať. Pri vstupe na americkú pôdu im boli položené otázky: Can You read? (Viete čítať?) a Can You write? (Viete písať?)¹² Z celkového počtu 140 775 Rusínov v rozmedzí 14 - 45 rokov bolo negramotných 75 165 osôb, teda viac ako polovica.¹³ Ocitli sa tak na piatom mieste, hneď po Portugalcoch, Turkoch, Mexičanoch a Južných Talianoch.¹⁴

Rusínski imigranti tvorili 1.5% (147 375) z celkového počtu, ktorý predstavoval 9 555 673 migrantov z celého sveta.¹⁵ V nasledujúcej tabuľke môžeme vidieť, že medzi emigrujúcimi Rusínmi sa nachádzali najmä muži, pričom ženy netvorili ani len tretinu emigrujúceho obyvateľstva.

	Celkový počet	Z toho muži	Ženy
1899	1 400	872	528
1900	2 832	1 942	890
1901	5 288	3 903	1 385
1902	7 533	5 836	1 697
1903	9 843	7 695	2 148
1904	9 592	6 904	2 688

12 Statistical review of Immigration 1820 – 1910 – Distribution of Immigrants 1850 – 1900. Washington : Government printing Office. 1911. s. 84 (dostupné na: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941\\$2i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941$2i))

13 Statistical review of Immigration 1820 – 1910 – Distribution of Immigrants 1850 – 1900. Washington : Government printing Office. 1911. s. 84 (dostupné na: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941\\$2i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941$2i))

14 Statistical review of Immigration 1820 – 1910 – Distribution of Immigrants 1850 – 1900. Washington : Government printing Office. 1911. s. 85 (dostupné na: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941\\$2i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941$2i))

15 Statistical review of Immigration 1820 – 1910 – Distribution of Immigrants 1850 – 1900. Washington : Government printing Office. 1911. s. 45 (dostupné na: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941\\$2i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941$2i))

1905	14 473	10 820	3 653
1906	16 257	12 310	3 947
1907	24 081	18 451	5 630
1908	12 361	8 820	3 541
1909	15 808	10 863	4 945
1910	27 907	21 198	6 709
Spolu:	147 375	109 614	37 761

(Spracované podľa štatistiky *Statistical review of Immigration 1820 – 1910 – Distribution of Immigrants 1850 - 1900*¹⁶)

Rusínski imigranti prichádzajúci do USA boli najmä robotníci alebo poľnohospodári (80,6%). Usádzali sa najmä v priemyselných oblastiach. Kvôli obmedzeniam, ktoré vydala vláda USA v roku 1924 na imigráciu z južnej a východnej Európy, sa rusínska emigrácia takmer zastavila. A tak emigrovali najmä do Kanady a Južnej Ameriky.

4. Rusínska emigrácia

Emigráciou obyvateľstva rusínskej národnosti sa oslabovalo vlastné etnikum v rámci monarchie, no na druhej strane práve to umožnilo emigrantom ekonomické posilnenie a vlastnú etnickú emancipáciu, ktorá prebiehala najprv za hranicami Uhorska. Zo strany Slovákov, ktorí taktiež emigrovali do USA prichádzali prvotné impulzy. Spolupráca medzi oboma národnosťami bola založená na báze širšie chápaného slovanstva, no i na užšej teritoriálno-štátnej báze. Formovali sa rusínske spolky sociálneho a ekonomického charakteru a tým, že boli založené na etnickej báze, vznikol priestor pre národné prebúdzanie a politickú činnosť. Rusíni mali viacero predstáv o štátoprávnom usporiadaní po ukončení vojny. Gréckokatolícka skupina amerických Rusínov, vedená G. I. Žatkovičom, uvažovala o samostatnom rusínskom štáte. Na vyriešenie tejto otázky sa ale musela zjednotiť podstatná časť emigrácie a tak v júli 1918 v Homesteade vznikla Americká národná rada Uhro-Rusínov, ktorú založili predstavitelia Spolku gréckokatolíckych rusínskych bratstiev a Združenia gréckokatolíckych cirkevných bratstiev. Rada požadovala autonómiu v rámci Uhorska, alebo ak by došlo k zmene hraníc, zjednotiť sa s Rusínmi z Haliče a Bukoviny. G. I. Žatkovič navrhol

16 Statistical review of Immigration 1820 – 1910 – Distribution of Immigrants 1850 – 1900. Washington : Government printing Office. 1911. s. 46-51 (dostupné na: [https://iiflib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941\\$2i](https://iiflib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941$2i))

memorandum, ktoré obsahovalo politické zámery karpatských Rusínov a na osobnom stretnutí ho predal prezidentovi W. Wilsonovi. Najdôležitejšou požiadavkou memoranda bolo aby sa Rusíni uznali za samostatný národ. Taktiež ponúkal tri alternatívy usporiadania: byť úplne samostatným národom, zjednotiť sa s niektorým slovanským štátom na základe plnej autonómie alebo získať autonómiu v rámci Uhorska. Vďaka jeho iniciatíve sa územie obývané Rusínmi pripojilo k novovzniknutému Československému štátu.¹⁷

5. Cirkev a spolky

Keďže ešte na začiatku 80. rokov 19. storočia nebol na americkej pôde žiaden gréckokatolícky kňaz ani kostol, niektorí imigranti žiadali gréckokatolíckych biskupov v Európe aby im kňazov poslali. Prvým gréckokatolíckym kňazom v Amerike bol Ivan Volanskij z Haliče, ktorý emigroval v roku 1884. V roku 1889 prišiel do Ameriky Alexander Dzubay, prvý gréckokatolícky kňaz z Uhorska. Drvivá väčšina gréckokatolíckych kňazov v Amerike v roku 1894 bola rusínskej národnosti pochádzajúcej z Uhorska.¹⁸ V roku 1921 bolo v USA z Prešovského biskupstva 42 gréckokatolíckych kňazov. Okrem nich tu boli aj gréckokatolícki kňazi z iných európskych biskupstiev preto americký apoštolský administrátor Gabriel Martyák vydal 11. októbra 1920 nariadenie, aby biskupstvá ďalších kňazov neposielali.¹⁹

Imigrantskí robotníci si postupne v Amerike začali vytvárať svojpomocné podporné združenia a bratstvá, ktorým pravidelne odvádzali menšiu sumu. Niektoré z nich sa spojili do väčších organizácií ako napríklad Združenie gréckokatolíckych cirkevných bratstiev či Spolok gréckokatolíckych rusínskych bratstiev, ktorý mal pred prvou svetovou vojnou takmer 54 000 členov. Okrem toho že tieto organizácie poskytovali poistenie svojim členom, vydávali i rusínske noviny a zborníky. Spolok gréckokatolíckych rusínskych bratstiev vydával v rokoch 1892 – 1952 *Amerikansky rusky viestnik*.²⁰

17 MAGOCSI, P. R. 2016. *Chrbtom k horám*. Prešov: Universum. s.221-223.

18 MAGOCSI, P. R. 2016. *Chrbtom k horám*. Prešov: Universum. s.196.

19 CORANIČ, J. 2010. Dr. Mikuláš Russnák – generálny vikár prešovského gréckokatolíckeho biskupstva v r. 1918 – 1922 s. 153 – 154 In: *Ekumenický aspekt života a diela profesora Mikuláša Russnáka (1878 – 1954) v kontexte súčasného medzináboženského dialógu*. Prešov, 20.10.2010. ISBN 978-80-555-0241-0. s.147-170.

20 MAGOCSI, P. R. 2016. *Chrbtom k horám*. Prešov: Universum. s.196 – 197.

Tragédiou pre obyvateľstvo rusínskej národnosti bolo odnárodňovanie veľkej časti rusínskych, najmä gréckokatolíckych duchovných. Prouhorský orientovaný duchovní poskytovali informácie rakúsko-uhorským konzulom o svojich veriacich, cirkevných komunitách a o tých duchovných, ktorí sa zriekli prouhorskej orientácie. Uhorská vláda sa preto pokúšala zriadiť gréckokatolícke biskupstvo v USA. Vyvíjala tlak na Rím a jej argumentom pre zriadenie biskupstva bola rozšírená konverzia gréckokatolíkov rusínskej a slovenskej národnosti na pravoslávie. Tá však neprebiehala len za hranicami, ale aj vnútri monarchie. K hlavným dôvodom, prečo sa veriaci rozhodli konvertovať patrili sociálne a národnostné príčiny. Gréckokatolíckym kňazom veriaci odvádzali koblinu a rokovinu, no kňazi si nárokovali aj na poplatky spojené s vykonávaním náboženských úkonov. Okrem toho sa gréckokatolícki kňazi stali sprostredkovateľmi maďarizačných snáh uhorskej vlády. Postoj uhorskej vlády voči konverzii veriacich na pravoslávie vyústil do tzv. marmarošského procesu²¹ kedy bolo odsúdených 32 rusínskych roľníkov.²² Iniciátorom hnutia za návrat do pravoslávnej cirkvi bol otec Alexij Toth. Tento gréckokatolícky kňaz sa v roku 1891 rozhodol opustiť katolícku cirkev a konvertovať na pravoslávie. Vysvetľoval to tým, že on i jeho farníci sa vrátili k viere svojich otcov. Do roku 1909 jeho zásluhou konvertovalo na pravoslávie viac než 25 000 gréckokatolíkov.²³

LITERATÚRA

CORANIČ, J. (2010). Dr. Mikuláš Russnák – generálny vikár prešovského gréckokatolíckeho biskupstva v r. 1918 – 1922 s. 153 – 154 In: *Ekumenický aspekt života a diela profesora Mikuláša Russnáka (1878 – 1954) v kontexte súčasného medzináboženského dialógu*. Prešov, 20.10.2010. ISBN 978-80-555-0241-0. 346 s.

21 Marmarošský proces bol zinscenovaným procesom, ktorý mal dokázať, že pravoslávni veriaci sú protištátnym živlom pracujúcim na odtrhnutí územia, ktoré obývali karpatskí Rusíni, od Uhorska a jeho následnom pripojení k Rusku. Konal sa v Marmarošskej Sihoti 29.12.1913 – 3.3.1914 proti 94 pravoslávnym veriacim, z ktorých bolo následne 32 odsúdených.

22 ŠVORC, P. 2006. *Zakletá zem Podkarpatská Rus 1918-1946*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. ISBN 978-80-7106-754-2. s.27-28.

23 MAGOCSI, P. R. 2016. *Chrbtom k horám*. Prešov: Universum. s. 200-201.

MAGOCSI, P. R. (2007). *Národ znikadiaľ*. Prešov: Rusín a ľudové noviny. ISBN 978-80-88769-80-4. 116 s.

MAGOCSI, P. R. (2016). *Chrbtom k horám*. Prešov: Universum. ISBN 978-80-89046-97-3. 593 s.

MRVA, I. (2010). *Slovensko a Slováci v 2. polovici 19. storočia*. Bratislava: Perfekt. ISBN 978-80-8046-458-5 256 s.

TAJTÁK, L. (1961). Východoslovenské vysťahovalectvo do prvej svetovej vojny. In: *Nové obzory*. roč. 3, č. 1, s. 221-247.

ŠVORC, P. (2006). *Zakletá zem Podkarpatská Rus 1918-1946*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny. ISBN 978-80-7106-754-2. 318 s.

Magyar statisztikai közlemények. A magyar szent korona országainak 1900 évi népszámlálása. 1 kötet, első rész, Budapest, 1902, 609 s. Dostupné na http://konyvtar.ksh.hu/index.php?s=kb_statisztika.

Statistical review of Immigration 1820 – 1910 – Distribution of Immigrants 1850 – 1900. Washington : Government printing Office. 1911. 587 s. (dostupné na: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941\\$2i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:3067941$2i))

<https://www.statueofliberty.org/ellis-island/overview-history/>

Mgr. Radka Onderková
Slovenské národné múzeum –
Múzeum rusínskej kultúry v Prešove
Masarykova 20
080 01 Prešov
Slovakia

radka.demjanova@gmail.com

ДУХОВНА ПОЕЗІЯ ЛЮДМІЛЫ ШАНДАЛОВОЙ

(Дакілько позначок ку зборнику Напю ся водічкы.)

Михал ПАВЛІЧ

Abstract

In our article, we deal with the collection of spiritual poetry by Ludmila Šandalová, entitled I'll Drink Water (Напю ся водічкы), which the author herself described as „little prayers“. In this paper, we analyze the collection as a whole from the perspective of the four dimensions of prayer (quantity, style, purpose and target), with which we want to characterize the lyrical subject present in the verses as well as the author's approach to the given genre.

Keywords: Ludmila Šandalová. Prayer as a Literary Genre. Rusyn Literature. Contemporary Rusyn Literature. Rusyn Poetry.

1. Вступ

Перед пару роками бы было можливе аргументовати, же сучасна русинська література на Словакії є лем доменом (най)старшой письменської генерації. Маєме на думці главні авторів, котры были активны уж перед веце як тридцать роками і дале в наступнім періоді третёго русинського оброджіння. Авторів, котрых мож покладати за скушених і освідчених класіків сучасной русинської літературы як напр. Марія Мальцовска, Штефан Сухый ці Миколай Ксеняк. Період третёго русинського народного оброджіння є про теперішню русинську історію і культуру визначный в тім, же в духу значіння слова ренесанція обновиw і в конечнім дослідку дав русинській літературі надій на далшу екзистенцію і самостатный розвой.

Час але іде неупросні дале, спомеджі спомянутой троїці авторів уж жыє лем єден, і може ся натискати вопрос, што пак? Де дале і на чїїх плечох ся понесуть крочаї русинської літературы, кедь ту раз старша генерація не буде? Якы авторы будуть глядати новы можности єй екзистенції? Кедь бы сьме мали „палцём вказати“ на дакілько особ в сучасній русинській літературі, сьме сі істы, же меджі нима бы было і мєно Людмілы Шандаловой.

2. Людміла Шандалова

Шандаловой першым поетічным твором по русиньскы був стих *Карпаты, Карпаты...*, і хоць векшына Шандаловой творчости ся експліцитні не заоберать русиньскыма реаліями ці тематіков на-родой ідентіты¹ (найвеце то платить про біографічний *Червеный берег*²), но єднозначні можеме повісти, же авторка пише літерату-ру про Русинів і на їх хосен, што мож повісти главні на закладі єй драматічної творчости.

Авторка на себе упрямила векшу позорность в році 2013 вы-данєм зборника вершованок про діти з назвов *Подьте діти, што вам повім*³, на котру о пару років надвязала зборником *Ани бы сьте не вірили*⁴. Книжки суть характерны темов домашніх і екзотічных звірят, простыма рітмізованыма вершами і высокыма пожадавка-ми на языкову уровень ці естетічну сторінку – од кваліты папіря аж по вкусны мінімалістічны ілустрації.

Авторка розуміє в сучасній русиньській реаліті і найважнішій вызві пережытя Русинів на Словакії – едукації. То ся рефлектує і в тім, же авторчины публікації суть wydаны двойграфічні, в азбуці і латиніці, што спрístupнює єй літературу про шырший округ чита-телів, як бы была написана лем в азбуці. За далше поверджія того речія поважаєме тыж другу часть творчости – сценарї театралных гер написаных про діти і молодеж (*Wi-фінтена принцезна*⁵, *Юрко а*

1 В рамках той темы хочеме спомянути конштатованя Мгр. Іваны Сливковой, ПгД. зо статі о творчости Елены Хомовой-Грінёвой: „*Viacero vrstiev znakov rusínskeho kultúrneho areálu reflektuje jednotlivé obdobia konštituovania minority, pričom tento proces, ako sa zdá aj na základe ukážok z tvorby Eleny Chomovej-Hriňovej, stále neukončený a aj v 21. storočí pretrváva v hlboko spoločensky zakorenených predstavách o potrebe apelu na sebaidentifikáciu a uvedomenie si vlastnej kultúrnej identity, ktorá je súborom tradičných rusínskych hodnôt.*” SLIVKOVÁ, I. (2021). K dvom básnickým zbierkam Eleny Chomovej-Hriňovej. In: Копорова, К. (ed.). *Studium Carpatho-Ruthenorum 2021. Štúdie z karpatorusinis-tiky 13.* Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, s. 28.

2 ШАНДАЛОВА, Л. (20166). *Червеный берег*. Бырно: тота аґентура, ISBN 978-80-972058-1-2, 248 с.

3 ШАНДАЛОВА, Л. (2013). *Подьте діти, што вам повім*. Свідник: тота аґентура, ISBN 978-80-971504-7-1, 64 с.

4 ШАНДАЛОВА, Л. (2018a). *Ани бы сьте не вірили*. Свідник: тота аґентура, ISBN 978-80-972058-4-3, 64 с.

5 ШАНДАЛОВА, Л. (2015). *Wi-фінтена принцезна*. Свідник: тота аґентура, ISBN 978-80-972058-0-5, 51 с.

поклад⁶, Чудесна лавочка⁷, Дівчатко і жебрак⁸, Приповідка з ліса⁹), котры были інсценованы і презентованы в школьских представлїнях Основной умелецькой школы у Свіднику ці на Русиньскім фестивалі в тім самім місті. Авторка є в области русиньской літературы активна тыж як директорка обчаньского здружїня *тота агентура*¹⁰, котрого цілєм є підпоровати русиньску народностну меншыну.

По веце як десятѣх роках творчости Людмілы Шандаловой мож повісти, же авторка ся в русиньській літературі випрофілювала як творця літературы про діти і молодых, і як письменка, котра не оставать лем в комфорті знамого жанру чі способу писаня. Шандалова пише поезію, прозу і драму, а і хоць оставать вірна літературі про діти і молодых, снажить ся вывияти і не стагновати. То підтверджує і єй найновша видана книжка – зборник духовной поезії *Напою ся водічки*¹¹.

3. Духовна поезія в сучасній русиньській поезії

Духовна поезія не є в сучасній русиньській літературі винятковим жанром, мож доконця повісти, же релігійну тематіку мож найти в творчости веце русиньских письменців, што рефлектує велику важность духовного жывота і віровизнання про Русинів. За вшытких треба спомянути главні поета Мілана Гаїя, котрого творчость з векшой части мож зарядити к духовній поезії (напр. зборники поезії *Молитва Русина*¹² ці *З нами Бог*¹³). Гаїєва творчость є присвячена дорослым читателям і він ся венує релігійным темам – визнання віры к Богу, свідомости, согрішіню і покаянню ся, смер-

6 ШАНДАЛОВА, Л. (2018в). *Юрко а поклад*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-5-0, 60 с.

7 ШАНДАЛОВА, Л. (2018б). *Чудесна лавочка*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-6-7, 64 с.

8 ШАНДАЛОВА, Л. (2016а). *Дівчатко і жебрак*. Свідник: тота агентура.

9 ШАНДАЛОВА, Л. (2014). *Приповідка з ліса*. Свідник: тота агентура.

10 Інтернетова сторінка обчаньского здружїня *тота агентура* є: <https://tota.sk/>

11 ШАНДАЛОВА, Л. (2020). *Напою ся водічки*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-7-4, 80 с.

12 ГАЙ, М. (2012). *Молитва Русина*. Пряшів: Академія русиньской културы в СР, ISBN 978-80-89441-24-2, 104 с.

13 ГАЙ, М. (2019). *З нами Бог*. Пряшів: Академія русиньской културы в СР, ISBN 978-80-89798-17-9, 96 с.

телности тіла і нескертелности души а под.¹⁴ Напроти тому, Шандаловой духовна поезія в зборнику *Напю ся водічки* ся пригварять дїтському читателю. Тота часть творчости Людмілы Шандаловой мать початки в православнім молодежнім часописі Істина, де ей раз до місяця выходжають стишки про діти з набоженьсков тематіков, котры сама авторка назвала „малыма молитвами”.¹⁵

4. Молитва

Выходжаючи з авторчиного означіня жанру – молитвы – спробуеме Шандаловой зборник інтерпретовати з той позиції. Молитва є в рамках літературной науки означована як ліричний жанер, оригінально орална лірика к релігійным обрядам, котра выражать подякованя і просьбы віруючих. Мать медітативный і дідактичний характер.¹⁶ Спомеджі розлічных молитв можеме спомянути главні *Pater noster* (*Отче наш*). В жанрі авторьской лірики був в контексті темы духовной поезії про діти знамый і оцінёваний словацький поет Мілан Руфус і ёго *Modlitbičky*¹⁷ ці *Nové modlitbičky*¹⁸.

В общім змыслі є молитва комунікацієв адресованов Богу (або Богім), хоць много людей через молитву комунікує із усобшыма мілованыма особами ці їх душами. Молитва є все інтеракчна і малоколи чисто внутрішня активіта індивідуала.¹⁹ „Є то здрой сполоченьской солідарности і конфлікту, індивідуальный і колектівный рітуал, котрый вытварать продовжуючу сімболічну інтеракцію з божсков рішов, механізм, котрый зміцнює віру в надприродне.”²⁰ Молити ся мож індивідуалні або і в групі людей (найчастіше в церькви).

14 ПАВЛІЧ, М. (2019). Мілан Ґай. In: Ґай, М. *З нами Бог*. Пряшів: Академія русиньской културы в СР, ISBN 978-80-89798-17-9, с. 96.

15 КОПОРОВА, К. (2019). Людміла Шандалова. Доступне з: <<http://rusynlit.sk/index.php/2019/05/31/1088/>>

16 PETERKA, J. (2007). *Teorie literatury pro učitele*. Jíloviště: Mercury Music & Entertainment s.r.o., ISBN 978-80-239-9284-7, s. 252.

17 RÚFUS, M. (2014). *Modlitbičky*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá, ISBN 9788010026012, 72 s.

18 RÚFUS, M. (2019). *Nové modlitbičky*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá, ISBN 9788006006080, 94 s.

19 FROESE, P. — JONES, R. (2021). The Sociology of Prayer: Dimensions and Mechanisms [online]. In: *Social Sciences 10: 15*, s. 3. Dostupné na: <<https://doi.org/10.3390/socsci10010015>>

20 Тамже.

При штудію науочної літератури о молитві сьме натрапили на інтересний текст науковців Пола Фреса а Роріго Джовнса²¹, котры на закладі соціологічного выскуму молитв задефіновали із соціологічного погляду штири дімензії молитвы:

„1. **квантіта** або множество **молитвы**, котра позоставать з ей довжки, фреквенції і конзістенції молїня;

2. **штїл молитвы**, котрый дає інформацію о тім, до якої міры конкретны правила ведуть чоловіка в молитві;

3. **учел молитвы**, то значить то, што ся практикуючий снажить досягнути молитвов;

4. **цїль** або адресат **молитвы**, котрый означує надприродного партнера в молитві (напр. Бог, конкретный святой або і абстрактна годнота).²²

В праксі то значить, же зажиток з молитвы людей ся одлишує на закладі того, ці ся молить куртше і менше часто, або довше і частіше, тыж ці є молитва звязана певныма правилами, котры треба дотримлєвати і не мож їх порушити, або ці є штїл молїня волніший, слободніший. *Учел* молитвы (котрый є веце важный як квантіта молитвы) гварить о тім, чом індивідуал вступає до молитвы (о што просить – петічна молитва, пожадуюча молитва або непетічна – медітація, конверзація з Богом) і што од нїй очекує. О тім, ці є заміряный на внутрішній світ індивідуала (тугу по зміні налады або перспектївы) або на вонкашню реаліту (молиме ся о зміну во вонкашнім світї). А наконєць, ці є *адресат* молитвы абстрактный і непрямый, або шпеціфічний і активный (то значить, ці є то сотворїня, котре переживать емоції і їх выядрює).²³

Квантіта молитвы гварить о притомности звыку і рутїны, *штїл* назначує, ці сполоченьскы граніці і граніці групи суть вольны або стріктны (што є легітимнов молитвов а што нї, волніший штїл молїня уможнює чоловіку комунікувати з божсков ентїтов способом, який покладать за справный і вгодный), *учел* молитвы ся односить ку вірі індивідуала а зіщує, до якої міры надприродны обчекованя напямують єго справованя і вытваряють світоназор.

21 Тамже.

22 Тамже, с. 1.

23 Тамже, с. 4.

А наконець – ціль або *адресат* молитвы гварить о привязаности²⁴ комунікуючого к адресатови молитвы, о емоціоналнім і соціалнім ставі віруючого. Авторы конштатують, же „*молитвенна скушеность ілюструє як приїманы практіки і сімболы міняють емоціональны ставы, моралны перцепції, а сполоченьскы ідентіты продукують розлічны способы віджіня світа і екзістенції в нїм.*”²⁵

Хоць іде о соціологічний погляд, думає собі, же є принайменшім натілько інтересный, абы сьме го поужыли як істый навод на аналізу літературного жанру молитвы і характерізованя творчости Людмілы Шандаловой в зборнику *Напю ся водічки*.

5. Духовна поезія Людмілы Шандаловой

Во векшыні стихів ся находить дїтський лірічний субект, котрый не є віково ани інакше близше шпеціфікований, але адресованя молодшому дїтському віку ся потверджує в темах вершів, главні в їх языку (авторка много раз поужывать здрібнены назвы) і в цілковій наладі повказуючій на невинну радість дїтвака із світа навколо нєго. Подобный приступ авторка заховала і при вершах присвяченых найвекшым церьковным святам. Верш „*Ісуску з небочка / я ся так радую!*” (с. 24) є выядрїнєм чістой, нічим нескаженой дїтиньской радости. В меншій кількості припадів (в поєднх вершах) іде о члена родини ведучого дїтину ку вірі (стих *До церькви: „Подь, Божа дїтынько, / лем ступай фрышніше / бо уж ся серденько / на дзвонї колыше*”, с. 18).

Кедь будеме выходжати з дефініції молитвы як комунікації з божсков ентітов, в книжці Людмілы Шандаловой *Напю ся водічки* ся находить много стихів, котры представляють бісїду дїтського лірічного субекту з адресатом – ці є то Бог (або обертаня ся на нєго) або іншый репрезентант божских ідеалів, напр. конкретный хрістіянський святы (Ісус Хрістос, Марія – мати Божа, святы Миколай) або ближе неспеціфікований ангел. Во верші *Нянічку в небі* ся дїтський лірічний субект пригварять Ісусови Хрістови тыж

24 Выходжаючи з теорії привязаности, теорії псіхіатра і псіхоаналітика Джона Бовлбі о одношінях меджі людми. Anonym, 2021. *Attachment theory*. [цит. 2021-12-27]. Доступне з: <https://en.wikipedia.org/wiki/Attachment_theory>

25 FROESE, P. — JONES, R. (2021). The Sociology of Prayer: Dimensions and Mechanisms [online]. In: *Social Sciences 10: 15*, s. 2. Dostupné na: <<https://doi.org/10.3390/socsci10010015>>

як ку свому вітцёви (в значінню отець вшитких людей): „Нянічку в небі / я твоя дітина / вію днесь Тебі / віночок без терня.” (с. 14).

Часть вершів обсягує апострофічне ословління („Складам ручки ку молитві, / прошу Тебе, Боже”, с. 29; „Ангеличку, стражничку, / хочу тя молити, (...) Ангеле любенький”, с. 30; „Ісуску міленький...”, с. 36), даколи є то во формі зwołання повного емоції і радости („Ісуску з небочка, я ся так радую!”, с. 24; „О, Маріє, мати міла, / душічка мі звеселіла –”, с. 32). Бог є годнотово характерізований як змысел жывота, поміч і рада, веджіня і моральный компас в жывоті.

В зборнику тыж можеме найти вершы, де ся дітина пригварять ку природному світу, напр. в *Незабудці* апелує на квітку, абы была вдячна і скромна: „Незабудь, квіточку, / незабудь подяку, / за мілость Божію, / за мілость трояку.” (с. 10); *Фіалочці* присуджує скромность і покору: „А ты скромненько сидиш на краї ліса / І днесь листочки до неба звертали ся / До неба смотрять а нігда не долов” (с. 78).

З погляду учелу молитвы можеме повісти, же в зборнику ся находжають вершы-молитвы петічного і непетічного характеру. В петічных вершох ся найчастіше жадать або просят о Божу охрану в змыслі Божой притомности ці веджіня („... на охрану зошлий – дай мі – єдного із крылочками.”, с. 32), загнаня страху („Бы-м ся не бояла”, с. 32) або даколи іде лем о просте скромне желаня добрых снів: „До нёй снички, Боже, / уткай мі. Ты можеш. / Лем ты можеш знати / як мі їх уткати.” (с. 16). Нігда не йде о желаня або просьбу за дашто себецьке.

Субект тыж жадать од Ісуса угасити жажду по познанню, котра є характерный про дітину спознаваючу світ: „Ці мать небо влагу вічну? / Глядам одповідь. (...) Науч ня, Ісуску, правді, / нйй угашу смед.” (с. 10). Дітя в Шандаловой вершох спознавать нелем фізічний, але і духовный світ, снажить ся найти одповідь на вопросы розлічных аспектів віры („Ісуску міленький, што значіть постити? (...) Як іщі, Ісусе, молить ся дітина? (...) Што іщі мі треба, Ісусе, робити?”, с. 36). Положены вопросы суть снагов о потверджіня ці схваліня назорів дітьского субекту, указує ся, же субект є на справній дорозі і сам поступно приходить к познанню, же жыти з Богом і подля Бога є жыти честно і моралні. Дітьскый субект ся так венує себарефлексії і інстропспекції, пригварять ся непрямо і сам ку собі а упевнює

в собі моральні цінності і цноти: „*Серденько моє / кротко ся тримай (...) Не впускай пыху / душічко моя*” (с. 22).

Вершы непетічного характеру виявляють позитивні емоції як подяку (родічі суть брани як пожегання, за котре цілком природно дякуєме Богу: „*При мамці за каждый дничок / Ісусе, дякую.*”, с. 26) або радість з екзистенції – суть виядрінем невинного надхніня дїтвака, котрый обявлює світ навколо і находить красу всягды коло себе. А хоць чоловік може в дорослості того надхніня легко стратити, тот факт в книжці не є коментований, зато і гармонічний тон цілого зборника не є ніяк нарушений.

Може найтяжше ся виядрює ку квантитативній сторінці молитвочок в зборнику, ліричний суб'єкт не можемо подробити зрахованю ці міряню довжки, фреквенції або конзистентности моління. В істім змыслі але можемо найти одповідь в постою ліричного суб'єкта к моліню. Дїтвак у Шандаловой вершах внимать моління як дашто природне, каждоденне і подобні як Бог притомне в кожній сторінці (людської) екзистенції. Не значить то, же бы к акту моління приступовав як ку самозреимости, або рутині без значіння ці глибошого переживання, праві наспак. Іде все о акт комунікації, котрый мать велику годноту, а дїтвак собі то усвідомлює.

В подобнім дусі, часть вершів ся подобать формов або каденцієв класичній молитві (можемо спомянути напр. стих *Ангеличку мій* зачінаючий подобні як знама молитва *Ангеличку, мій стражничку* і кончаючий словом „*Амінь*”, с. 30; форма молитвы-просьбы *У твоім світлі*, с. 40, ці подякування за пережитий день в стиху *Молитва на каждый день*, с. 60). Шандаловой молитва але не є стріктні вязана релігійныма формулками або „сухов”, „доспелацьков” важностєв. Вольный штїл молитвочок є подобный природному справованю дїтини – представляє скорше упрімну і безпосередню бісїду без даяких фалашностей або окрас ці „ходжіня коло горячої кашы”. В прінципі так зборник виядрює думку, же така форма молитвы є легітимна а цілком впорядку (тадь докаже то і мале дїтя!), і утверджує так читателя, же Бог є все доступный про каждого з нас. Лем треба хотїти...

6. Заключение

Зборник духовной поэзии *Наню ся водічки* поважаємо за єден з найліпших творів Людмілы Шандаловой. Уж у перших зборниках поезії про діти, котры представлєвали просты вершы о звірятках, было яснє, же у авторкы є естетічна сторінка єй літературной творчости на высокім місці. Платить то і про *Наню ся водічки* – старостливый вибер слов і вершованя, мінімалістична красота ілустрацій і нічим ненарушены годноты заміру.

Цілково можемо повісти, же зборник дїтської духовной поезії Людмілы Шандаловой ся визначає позітівнов наладов, гармонієв і змірливостєв, не находжашь ся ту вершы з негатівныма емоціями як є гнів або жаль, але праві наспак, іде о выядрїня гармонічного одношіня ідеалізованої дїтиньской невинности ку божскому прінципу. Можемо повісти, же верш „Я щі лем дїтина, я знам лем любити.” (с. 36) нелем точно описує дїтську простоту, упрімність і нефалшованість, але єдночасні доконало репрезентує цілый выдареный зборник.

ЛІТЕРАТУРА

ANONYM. (2021). *Attachment theory*. [цит. 2021-12-27]. Доступне з: <https://en.wikipedia.org/wiki/Attachment_theory>

FROESE, P. — JONES, R. (2021). The Sociology of Prayer: Dimensions and Mechanisms [online]. In: *Social Sciences 10: 15*. Dostupné na: <<https://doi.org/10.3390/socsci10010015>>

PETERKA, J. (2007). *Teorie literatury pro učitele*. Jíloviště: Mercury Music & Entertainment s.r.o., ISBN 978-80-239-9284-7, 346 s.

RÚFUS, M. (2014). *Modlitbičky*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá, ISBN 9788010026012, 72 s.

RÚFUS, M. (2019). *Nové modlitbičky*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo – Mladé letá, ISBN 9788006006080, 94 s.

SLIVKOVÁ, I. (2021). K dvom básnickým zbierkam Eleny Chomovej-Hriňovej. In: Копорова, К. (ed.). *Studium Carpatho-Ruthenorum 2021. Štúdie z karpatorusistiky 13*. Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, ISBN 978-80-555-2863-2, s. 21-29.

ГАЙ, М. (2012). *Молитва Русина*. Пряшів: Академія русиньской культуры в СР, ISBN 978-80-89441-24-2, 104 с.

ГАЙ, М. (2019). *З нами Бог*. Пряшів: Академія русиньской культуры в СР, ISBN 978-80-89798-17-9, 96 с.

КОПОРОВА, К. (2019). *Людмила Шандалова*. Доступне з: <<http://rusynlit.sk/index.php/2019/05/31/1088/>>

ПАВЛІЧ, М. (2019). Мілан Гай. In: Гай, М. *З нами Бог*. Пряшів: Академія русиньской культуры в СР, ISBN 978-80-89798-17-9, 96 с.

ШАНДАЛОВА, Л. (2013). *Подъте діти, што вам повім*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-971504-7-1, 64 с.

ШАНДАЛОВА, Л. (2014). *Приповідка з ліса*. Свідник: тота агентура.

ШАНДАЛОВА, Л. (2015). *Wi-фінтена принцезна*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-0-5, 51 с.

ШАНДАЛОВА, Л. (2016а). *Дівчатко і жебрак*. Свідник: тота агентура.

ШАНДАЛОВА, Л. (2016б). *Червений берег*. Бырно: тота агентура, ISBN 978-80-972058-1-2, 248 с.

ШАНДАЛОВА, Л. (2018а). *Ани бы съте не вірили*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-4-3, 64 с.

ШАНДАЛОВА, Л. (2018б). *Чудесна лавочка*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-6-7, 64 с.

ШАНДАЛОВА, Л. (2018в). *Юрко а поклад*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-5-0, 60 с.

ШАНДАЛОВА, Л. (2020). *Напю ся водічкы*. Свідник: тота агентура, ISBN 978-80-972058-7-4, 80 с.

Mgr. Michal Pavlič, PhD.
Prešovská univerzita v Prešove
Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín
Ústav rusínskeho jazyka a kultúry
Ul. 17 novembra 15
080 01 Prešov
Slovakia

michal.pavlic.urjk@gmail.com

Studium Carpatho-Ruthenorum 2021

Štúdie z karpatorusinistiky 13.

Zostavovateľka a zodpovedná redaktorka: PhDr. Kvetoslava Koporová, PhD.
Vydavateľ: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných
menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Prvé vydanie, 2021

Počet strán: 72

Tlač: EQUILIBRIA, s. r. o., Krásnohorská 82, 040 11 Košice

ISBN 978-80-555-2863-2

9 788055 528632